

СМЕНА

17

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Бухарест. На IV Всемирном фестивале молодежи и студентов за мир и дружбу.
Делегация Советского Союза на параде.
(Фото ТАСС).

ПЕСНЯ МОЛОДЕЖИ

Слова С. МИХАЛКОВА.

Музыка В. МУРАДЕЛИ.

(Песня получила
на фестивале Первую премию)

I

Люди
Молодые,
Всех народов и разных наречия,
Сердцем
И душою
Мы стремимся друг другу навстречу!

Припев: Цель наша — правду отстоять,
Мир для людей.
Чтобы увидела каждая мать
Счастье своих детей.

II

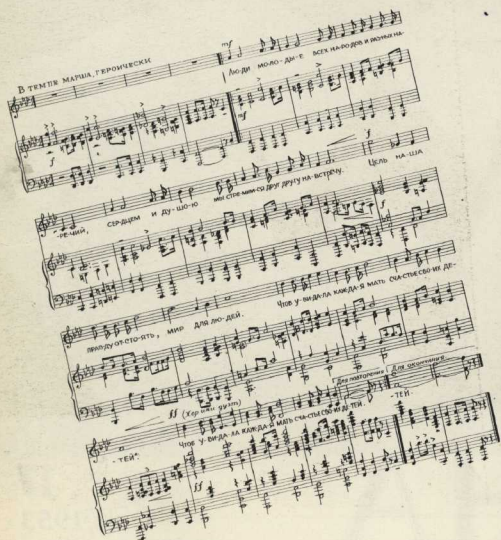
Люди
Молодые,
Наша дружба — великая сила!
В нашем
Честном деле
Нас большая надежда сплотила.

Припев.

III

Люди
Молодые,
Наша молодость страха не знает.
Верим
Мы в победу.
Тот, кто верит, — в борьбе побеждает.

Припев.

Мы будем здесь учиться!
Группа студентов у здания
Московского государственного университета.

Фото А. Моклецова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Сентябрь. № 17. 1953 год.

Год
издания
30-й

НА БЛАГО НАРОДА

Этим летом делегация австрийской молодёжи, гостившая в Советском Союзе, посетила украинский колхоз. Австрийцы долго беседовали с молодыми колхозниками, и наконец кто-то из делегатов сказал:

— В нашей стране всё меньше людей верит американской пропаганде, что будто бы Советский Союз хочет напасть на страны Европы. Теперь американцы пустили в ход другой приём: они утверждают, что советских людей нужно освободить от власти коммунистов.

Когда переводчик перевёл эти слова, один из колхозников усмехнулся и «важливю, объяснил гостям:

— Вот я, например, не коммунист. Но дело партии — для меня родное дело, которым я живу и за которое я борюсь. И так ответят вам всякий. Так что «освободителям» пришлось бы освободить советских людей от них самих.

Юноша из украинского колхоза лишь образно выразил истину, непримиримую для советских людей: дело партии и народа — одно.

Народ любит и безгранично поддерживает партию, потому что вся её титаническая работа направлена на благо народа.

История Коммунистической партии Советского Союза — это непрерывная борьба за счастье народных масс.

Своей заботой о благе народа, своей борьбой за народное счастье партия завоевала великую любовь миллионов людей. Советские люди, горючо поддерживая дело партии, знают, что это дело отвечает их насущным, жизненным интересам.

За годы советской власти наша страна под руководством партии преодолела огромный путь от разрухи и нищеты к небывалому расцвету.

Хотя советский человек уже успел привыкнуть к поразительным темпам и размаху создания в нашей стране, он каждый раз по-новому радуется и гордится, узнавая об успехах коммунистического строительства.

Сколько волнующих вестей пришло лишь за последние несколько месяцев! В солнечном

Закавказье родилось новое, Мингечаурское море. На стремительном Иртыше вступила в строй грандиозная Усть-Каменогорская ГЭС. Колхозники Литвы, Латвии и Белоруссии построили на стыке трёх республик межколхозную электростанцию.

А недавно вся страна праздновала день открытия новых зданий Московского государственного университета — замечательного сооружения нашей эпохи.

Грандиозные успехи в развитии тяжёлой индустрии создали возможность организовать крупный подъём лёгкой и пищевой промышленности, значительно увеличить выпуск продукции сельского хозяйства для населения нашей страны.

В своей речи на Пятой сессии Верховного Совета СССР глава Советского правительства товарищ Г. М. Маленков заявил, что наша неотложная задача состоит в том, чтобы в течение двух — трёх лет резко повысить обеспеченность населения товарами: мясом, рыбой, маслом, сахаром, кондитерскими изделиями, тканями, одеждой, обувью, посудой, мебелью и другими предметами культурно-бытового и домашнего обихода.

Коммунистическая партия наметила конкретные меры для того, чтобы обеспечить рост продукции лёгкой и пищевой промышленности, повысить благосостояние советских людей. Для этого необходимо быстро двинуть вперёд дальнейшее развитие сельского хозяйства, снабжающего население продовольствием, а лёгкую промышленность — сырьём.

Партий и правительством приняты меры по развитию советской торговли, по значительному повышению качества товаров. Поставлена задача улучшения жилищных условий и меди-

Летнее пастбище колхоза имени Сталина, Рыбновского района, Рязанской области.

цинского обслуживания советских людей, расширения сети школ и детских учреждений.

Два-три года — срок маленький. Но четкий и реальный план Коммунистической партии опирается на огромные ресурсы страны, на всю мощь социалистической экономики, на великодушные возможности советского строя, на неистощимый энтузиазм миллионов советских людей.

Пятый пятилетний план выполняется в нашей стране успешно. Но сейчас стоит вопрос о том, чтобы значительно раньше срока выполнить задание пятилетнего плана по производству предметов потребления.

Уже в текущем году советские люди получат больше товаров, чем это предусматривалось планом. В результате мер, принятых партией и Советским правительством, население страны только за апрель — декабрь получит товаров дополнительно, сверх запланированных на сумму в 32 миллиарда рублей.

Мероприятия партии и Советского правительства, направленные к увеличению производства предметов народного потребления, вызвали новый подъём неиссякаемой творческой активности советских людей.

Со всех концов огромной страны ежедневно поступают вестки о новых трудовых победах, о новых обязанностях рабочих, колхозников, учёных. Небывалый трудовой подъём царит на предприятиях, вырабатывающих предметы народного потребления. Коллективы сахарных, маслобойных, кожевенных, консервных за-

водою, небельными, обувных, ткацких, кондитерских фабрик горячо обсуждают свою работу, пересматривают свои планы.

Миллион метров высококачественных тонкошерстных тканей обязались дать сверх плана работники Московской тонкошерстной фабрики имени Петра Алексеева. Коллектив Горьковского автозавода имени Молотова обещал выпустить сверх годовой программы для продажи колхозам 4,5 тысячи грузовых автомашин, а для продажи населению 2 тысячи легковых автомобилей «Победа» и 40 тысяч велосипедов. К 7 ноября взяли выполнить план работники Ульяновского маслодельного завода. Миллион банок консервов даст в этом году сверх плана Дзержинский консервный завод.

И так по всей стране.

Общий успех зависит от работы сталеваров и ткачей, швейеров и обувщиков, лесорубов и садоводов, железнодорожников и рыбаков.

Чем выше выработка и качество выпускаемой продукции, тем быстрее будет создано в нашей стране обилие продовольствия и предметов потребления. Об этом всегда должен помнить каждый комсомолец, каждый молодой рабочий и колхозник. Комсомольские организации заводов и фабрик, колхозов и совхозов с утроенной энергией должны помогать коммунистам в их борьбе за осуществление великого плана партии.

Комсомольцы — большая сила на производстве. Уже десятки и сотни тысяч членов ВЛКСМ своими трудовыми делами ответили на призы партии. Упорнее учиться у коммунистов, равняться по передовикам — в этом сейчас задача комсомольцев.

Надо брать пример с тех, кто своим трудом опережает время, кто ведёт за собой товарищей по работе. Так работают молодые комбайнеры шахты № 1 треста «Молотовуголь» Николай Лапуга и Михаил Терехов, которые добились самой высокой в Московском угольном бассейне производительности труда комбайна «Донбасс». Так работают молодые помощники мастеров Михаила Бойко, Сергей Кадетов и Василий Ржевкин с Нарофоминской прядильно-ткацкой фабрики. Смены, которыми они руководят, значительно перевыполняют план и дают продукцию только отличного качества. За семь месяцев этого года эти смены выпустили сверх плана больше 44 тысяч метров ткани. Таких примеров множество, мы надо подражать.

Наша страна уверенно идёт к коммунизму. Советский народ, руководимый Коммунистической партией, одерживает одну победу за другой. Долг комсомольцев и всей молодёжи — идти в первых рядах строителей коммунизма!

Новые жилые дома возведут каменщики Керчи.

На Одесской швейной фабрике имени Бородинского увеличивается выпуск верхней одежды.

Всё больше модельной обуви выпускает ленинградская фабрика «Пролетарская победа».

На главном конвейере Батумского консервного комбината.

На Ленинских горах

Рассветная осенняя пора...
 Так вот они, московские просторы!
 Я с берегов могучего Днепра
 Пришёл сюда, на Ленинские горы.
 Москва моя!
 Люблю и твой рассвет:
 В дыма́х заводов строем силуют.
 Спешат студенты в университет,
 Которого и в мире краше нету.
 Спешат студенты, громко говорят
 О том, как здесь, на стройке, подружили.
 И вот в выку хлопцы из Карпат.
 — Что, поступили?
 — Как же, поступили!
 — Ну, добре, хлопцы, встретимся, пока...

Протягиваю руки им в порыве.
 И сразу десять рук в моих руках.
 — Большой вам путь, товарищ, счастливый!
 — Да, мы ещё увидаться должны...
 — Яхнисмис! —
 Я слышу за спиною.
 И девушка из тихой Ферганы
 С улыбочкой встаёт передо мною.
 Бесчисленные тонкие косицы,
 В параднике и платье ученицы.
 А вот стоит —
 Ан родом с Даугавы...
 Как памяти его мне земляки,
 Когда Ватугин вёл на переправу
 Бывалые гвардейские полки!

Какое счастье выпало теперь
 Вам — нашим братьям, —
 Вам — нашим любящим,
 Пришёл сюда.
 Открыть большую дверь,
 Чтоб изучить грядущего законом.
 Москва моя!
 Она сплотила нас,
 Сроднила нас для подарков и славы.
 Её мы ощущаем каждый час
 В дышине своей родной державы.
 Рассветная осенняя пора...
 Так вот они, московские просторы!
 Я с берегов могучего Днепра
 Пришёл сюда, на Ленинские горы.

ШКОЛА ПРИ ЗАВОДЕ

А. ОДИНЦОВ

Как во всех школах, здесь здесь чутковы
 пахнет масляной краской, а чёрные гри-
 фельные доски стоят, ещё не тронутые
 мелом.

В классах вместо парт — столы и стулья.
 Здесь учатся взрослые. Вот они — юноши и
 девушки — собрались перебе школой в салу,
 в котором нет пока ни одной приметы осени:
 яркие цветы на клумбах, зелёные и тенёстные
 ростные акации; и пускай с Днепра под вечер
 вест прохладой, пускай с календаря скоро
 спадёт последний листок августа — в городе
 царит лето.

Салы, парки, аллеи, скверы, в которых упо-
 тает Днепротетровск, спасают город от ветров
 и пыли. В тихом садике при 9-й школе рабо-
 чей молодёжи не чувствуется, что недалеко от-
 сюда бушует пламя в мартовских пещах и бежит
 по песчаным руслам из домен расплавлё-
 ный чугун. Сюда порой доходятся три ре-
 зких удара в колокола, и тогда садичные на са-
 довой скамейке парни переглядываются, поны-
 мающие кивают головами и смотрят на часы:
 «Петро опоздал скоростную плавку выдвигает».

Завода не видно отсюда, но он присутствует
 во всём: в спичей рабочей курточке, в которой
 пришла вот эта светловолосая хохотуха, в
 логарифмической линейке или штангле, кото-
 рые виднеются из кармашков пиджаков то у
 одного, то у другого юноши.

Около всех классов школ, в которых учатся
 молодёжи трубного завода имени В. И. Ленина,
 собралась уличная: возле каждого консульства
 для поступающих. Школы эти и в Новых
 Кайдаках и в посёлке имени Фрунзе — везде,
 где только живут рабочие заводы.

Правда, нет ещё школы в Обуховке, на той
 стороне Днепра, но в городском отделе народ-
 ного образования говорят, что вечерняя школа
 рабочей молодёжи скоро будет организована
 и там.

9-я школа не только вечерняя, но и дневная.
 В какую бы смену ни работали учащиеся,
 они могут посещать занятия. Завод отдал под
 школу много двухэтажное здание, оборудовал
 в нём классы, снабдил мебелью, библиотекой,
 наглядными пособиями, учебниками, тетрадь-
 ми, ручками, перьями, черпалками — всем! За-
 водской садничкой развела клумбы в школьном
 саду; плотники и маляры сделали ремонт; по-
 лотеры натерли до зеркального блеска паркет.

Кайдаки — революционное рабочее пред-
 местие старого Екатерининского. Теперь посё-
 лок назван Новыми Кайдаками, потому что
 прежней окранны просто не существует, есть
 один из благоустроенных районов города —
 Ленинский район. Тамкин он был и до войны,
 но ещё лучше стал сейчас, восстановленный,
 поднятый из руин. И рост его прекрасно ма-

люстрируется ростом школ: до войны в рай-
 оне было 4 школы, теперь 28, из них 8 для
 рабочей молодёжи.

Вырос завод, его рабочие посёлки, парки
 вокруг, выросли и люди. Окончили 9-ую школу
 Волода Талдыкин и сейчас уже заканчивает
 высшую медицинскую академию; занимается в
 аспирантуре Московского фармацевтического
 института Таксия Натарава; награждённый
 Дмитрий Гавриш принят нынче в сельскохо-
 зяйственный институт, лет через пять будет
 инженером-гидромолотором; многие вы-
 пускники школы поступили в Днепротетров-
 ский университет...

Разлетаются с завода его питомцы... Вспо-
 минают их здесь по-отечески, с гордостью:
 вырастали, воспитывали! Значит, в плане завода
 не только выпуск труб, а есть и такая задача,
 как выпуск людей в жизнь.

И удивляются почему. Так на любой шахте,
 в учреждении, колхозе, на заводе. Где-то луч-
 ше, где-то хуже заботятся о людях, где-то об
 этом лишь говорят и мало делают. Здесь дела-
 ют много, здесь каждый третий комсомолец
 учится в школе, техникуме, институте или
 университете. Каждый год окончивают учеб-
 ные заведения 50—80 рабочих завода, многие
 из них уходят на другие предприятия, но боль-
 шинство остаётся, остаётся потому, что завод
 определил их направление в жизнь, помог из-
 брать профессию.

Окончил школу с золотой медалью Дмитрий
 Емец; сейчас он на пятом курсе металлургиче-
 ского института. Простым рабочим,
 теперь вёдет в цехе нормировщик. Были
 сосланины Николай Седых и Борис Гнедиль-
 ков, сейчас заканчивают институт, работают
 на руководящих должностях.

Но вернёмся в сад, где собрался на кон-
 сультацию нынешние питомцы школы. Пришли
 они поразные, чтобы встретиться с друзьями,
 поговорить, поспорот, пошутить.

Юноша и девушка сидят рядом на скамейке.
 — Ты, Аня, придумай всего на первую кон-
 сультацию, а уже у тебя тысячи вопросов:
 как успевать делать уроки, что главное? Глав-
 ное — не тратить эти времена, — говорит Васи-
 лий Кобец. Он комсомолец, старший станов
 холодного волочения труб. Поступил в пятый
 класс, сейчас будет учиться в седьмом. Юноша
 встряхивает своей кудрявой шевелюрой: — Я
 раньше тоже непослушным был. Не успевая
 сделать А теперь время рассчитываю.
 Если ты твёрдо решила учиться, то время
 береги.

Аня Максименко слушает. Оказывается,
 придётся считать время. Готова ли она к это-
 му? Сможет ли собирать волю и оставить мно-
 гое другое, что раньше наполняло жизнь?..

— Смогу, смогу, Вася, — отвечает Макси-
 менко.

Она думает о том, что хватает же времени
 у Дмитрия Ганжи и на работу, и на комсо-
 мольские дела, и на учёбу в 8-м классе; успе-
 вает она и пойти на водную станцию и принять
 участие в соревнованиях велосипедистов спор-
 тивного общества «Металлурги».

На многое хватает времени у человека, уме-
 ющего ценить его, и Василий Кобец, пожалуй,
 нарочно стеснял краски. Ничего, девушка не
 испугается, зато потом будет легче.

В нынешнем году по сравнению с прошлым
 чуть не вдвое больше комсомольцев и моло-
 дых рабочих будет заниматься в школах рабо-
 чей молодёжи, и каждый из них решил пре-
 одолеть любые трудности, но учиться. Не все
 сами пришли к такому решению, кое-кому при-
 шлось помочь, посоветовать, а иногда просто
 растолковать, что школа будет диктовать его
 работу, поможет развить способности и дарова-
 ния. И всё это надо доказать на деле, на
 примерах жизни. Такая задача ложится на
 плечи комсомольской организации.

И сейчас на садовой скамейке спорят два
 комсорга о методах привлечения в школу.
 Разговор идёт о силе примера. Вокруг Васи-
 лия Лысенко, секретаря комсомольского бюро
 цеха бесшвыных труб, и Ивана Кажана, сек-
 ретаря комсомольского бюро механического
 цеха, плотный круг. Симпатии на стороне по-
 следнего, и вот почему.

Василий Лысенко пришёл на консультацию
 с юношами и девушками, ныне впервые по-
 ступающими в школу. Сам Лысенко не учился
 в школе. Не учился, правда, потому, что да-
 леко ему ездить; живёт он в той самой Обухов-
 ковке, где вечернюю школу только собирают-
 ся открыть. Но что процветает радую комсо-
 мольскую, не процветает комсоргу, да и раз-
 говор к тому же идёт о личном примере.

— Как это трудно ездить? — удивляется
 Иван Кажан. — Тебе всего два моста в году
 трудно ездить, когда лёд тонок или Днепр
 становится. А остальные время учиться можно.
 Я удивляюсь: второй год агитируешь за учё-
 бу, а сам всё жедёшь чего-то...

Вокруг засмеялись.

Действительно, для комсомольского актив-
 ста, не учащегося в школе, вопрос об учёбе —
 узависимое место, какая бы ни была у него
 уважительная причина. Это и почувствовал
 сейчас Василий Лысенко и попытался «со-
 слагаться на авторитеты».

— А возьмите Шапошникову, — сказал он.
 — У неё работы много, — раздался чей-то
 голос.

— А у Ганжи меньше? У Загребельного

меньше? — послышалось сразу несколько голосов.

Антон Загребельный, заместитель секретаря парткома, успешно закончил среднюю школу в нынешнем году.

Разговор о Василии Шапошникове, секретаре комитета комсомола, напомнил первую встречу с ним.

— С учёбой у нас есть достижения, — сказал тогда нам Шапошников, и лица его начали постепенно алеять. Он нагнулся, полез в стол, достал какие-то списки, справки и начал читать: — Всего обучалось в прошлом году 1050 молодых рабочих. В техникумах и институтах — 388, в школах — 308 человек, отсюда 12 человек...

Он густо покраснел, сердито выхватил из кармана портсигар, потом долго искал во всех ящиках спички.

— Отошёл из школы 12, — повторил он, — я в их числе...

Было видно, что говорить ему об этом очень стыдно, а умолчать ещё стыднее. Помолчал, он сказал, что скоро отчётно-выборные собрания, и кто знает, выберут или не выберут его в состав комитета.

Бот потому-то все симпатии в споре и были на стороне Ивана Кажая. Тот шёл на консультацию с вновь поступающими, сказав им просто: «Пошли, ребята, в школу». Ему не пришлось звать, убеждать, доказывать.

Перед началом учебного года приятно встретить товарищей. В садике перед школой уже собрался человек пять — десять. Каждого нового встречают шумными возгласами. А вот появилась в воротах молодая женщина, и к ней бросились все. Как приятно учителю такая встреча!

Сусанна Андреевна Концова, преподаватель русского языка и литературы в старших классах, тоже пришла сегодня пораньше, ей тоже не терпелось увидеться со своими питомцами. Семь лет назад окончила она университет и пришла в эту школу.

Ей полюбилась беспокойная жизнь учителя школы рабочей молодёжи. Зрелый учитель не сможет работать, если не будет знать, как работает учащемуся, в каких условиях он живёт, какие товарищи его окружают. Всё это алинет на учёбу, и это обязан знать педагог.

— Помини, Кажая, как отстали мы Безногова? — вспоминает Сусанна Андреевна.

Молодой кузен Иван Безногов учился в пятом классе, к началу учёбы немного опоздал. Жил он в общежитии, где большинство учащихся не организовано учёбу на первых порах не сумел. Когда начались двойки, пришёл к выводу: беспорядок, надо бросить. Но в школе хорошо знают людей. Уже классный руководитель говорил с комсоргом, уже старший

Ученики школы рабочей молодёжи у здания школы.

по комнате в общежитии наблюдал за ним. В дружеских беседах товарищи подбадривали юношу: «Не бросай учёбу, выдержишь!» И отстояли парня.

Во всём этом превосходная черта нашей жизни — забота о человеке, внимание к нему. И как приятно потом посмотреть на результаты, вот так же прокисеть где-нибудь на скамеечке и сказать простую фразу, так много значащую: «А помини, Кажая, как отстали мы Безногова?»

— Помню, Сусанна Андреевна, ещё бы не помини? А Дмитрия Карбана помини? А Ивана Гуренко?

— Как же их забудешь, Кажая, ведь это моя жизнь! — задумчиво говорит Сусанна Андреевна.

В саду с каждой минутой становится оживлённее. Вот пришли Пётр Ксенофонтович Деркач и Фёдор Петрович Кюсес, преподаватели украинского языка и литературы, пришла Мария Калининна Алексеевна, преподаватель биологии. Их тоже окружили учащиеся. Сейчас выйдет тётя Маруся со звонком — и опустеет сад. Но время ещё, видно, есть.

— Не были вы, Сусанна Андреевна, в отделе народного образования? Что слышно насчёт новых программ? — спрашивает, подходя к Концовой, Пётр Ксенофонтович.

— Ничего, Пётр Ксенофонтович. Пока ещё изменений в программах нет, — отвечает Сусанна Андреевна.

— Плохо дело, — заключает Пётр Ксенофонтович.

Не первый год об одном и том же говорят педагоги: программы для школ рабочей молодёжи давно нужно пересмотреть. Нет нужды, скажем, взрослому человеку, учащемуся в пятом классе, изучать целый урок сказку или три часа одну басню. Никакой критики не терпит, например, урок литературы в десятом классе, посвящённый советской драматургии военного и послевоенного периода, на котором минут 15 уходит на опрос пройденного, а оставшиеся полчаса идут на «изучение» пьес «Нашествие», «Русские люди», «Фронт», «Русский вопрос». И подобных примеров любой педагог приведёт множество.

Звенит, заливается колокольчик: пора в классы.

Так за несколько дней до начала учебного года говорили о своей родной школе ученики, комсомольские работники, педагоги. Они любят свою школу, потому что много требуют от неё, потому так требовательны к себе.

Не о том ли говорят и в других школах?..

Фото Г. Пазенко.

Питомцы школы собрались пораньше, чтобы встретиться с друзьями, поспорить, пошутить.

ЛАРА

Рассказ

Когда этот человек впервые появился в редакции, никто не обратил на него особого внимания. С наступлением весны в наш приморский город порой заезжали конюшние журналисты, как правило, из тех, кто не мог долго удержаться на одном месте. На лето они откопывали на юг, надеясь совместить приятное с полезным: погреться на солнышке и заработать деньги. Они были нетребовательны: соглашались заменять ушедших в отпуск сотрудников, работать прачками, один даже предлагал собирать объявления.

— Я когда бы видеть главного редактора, — сказала вешедший, обращаясь к нам.

Литературный секретарь Никита Иванович оторвался от гранок, которые он умудрялся читать, несмотря на царивший в комнате шум, и кивнул на дверь редакторского кабинета. Незнакомец поправил яркую галстук, поаоловче подхватила папку с записечкой-молнией и скрылся за дверью.

Мы пожималие переглаулились: наш редактор Григорий Дмитриевич держался с гастролярами стойко.

— Штат укомплектован, — обычно отвечал он, не глядя на затрепанные справки, которые подсовывала ему назойливый посетитель.

Мы любили своего редактора. Большинство из нас он сам выдвинула на газетную работу. До прихода в газету я редактировала цеховой «Крокодил» на металлургическом заводе. Когда меня впервые вызвали в редакцию городской газеты, я покаяла, что мне поручат писать фельетоны. Но редактор предложил мне работать литсотрудником в промышленном отделе. Я согласилась и не жалею. Сёма Кимов — тоже литсотрудник нашего отдела — прежде работал токарем. Он привлекал внимание редактора тем, что писал заметки, остро ставившие вопросы организации труда. По совету редактора мы закончили школу рабочей молодежи и поступили на заочное отделение металлургического института. И я, и подбавля и воспитывала кадры наш редактор. Когда ему звонили из обкома партии и сообщали, что хотят отозвать кого-нибудь из наших работников в областную газету, он не только не спорил, но всегда охотно соглашался.

— Правильно, — говорил он. — Надо человеку расти. Но когда ему предлагали прислать кого-нибудь взамен, редактор обычно отказывался.

— Есть у меня на примете один человек. Давно пишет в газету. Проще хорошую школу в многоотражке.

Словом, гастроляры нашему редактору были не по душе. Правда, в последние время их появлялось всё меньше и меньше. Во всяком случае, мы были уверены, что фритоватый посетитель через несколько минут выйдет от редактора с оскорбленным видом и спросит, когда отходит ближайший поезд.

Нетрудно представить себе наше удивление, когда незнакомец вышел с сияющим лицом и спросил:

— Как тут поближе пройти к гостинице?
— По улице Ленина, или квартал отсюда, — ответила Никита Иванович, но поднимая голову.

Потом к нам вышел редактор. Он смущенно кашлянул, дождался, пока за посетителем закрывалась дверь, и тогда сказал:

— Будет работать в отделе информации. Кажется, ничего парень. Правда, ничего нового нет, но характеристик хороших. Думая, оспоникать. Колактел у нас крепкий, сумеем на него воздействовать. Не век же ему скитаться! — Редактор замолчал, ожидая нашего ответа, но мы все молчали, только Никита Иванович неоднократно хмыкнул.

На другой день наш новый сотрудник появился в редакции уже не в штатском наряде. На нем была белая рубашка, парусиновые брюки, брезентовые туфли. И держался он гордо проше, чем вчера. Весело со всеми поздравовался, потом сказал:

— Ну, надо диктовать материал. Кое-что собрал для начала. Как машинистка, грамотная?

Сёма Кимов ответил сухо:
У нас две машинистки, обе грамотные.

Но наш новый сотрудник уже исчез в дверях машинного бюро. Не знаю, почему, но нам очень не хотелось, чтобы приезжий диктовал Ларе...

Лара поступила в редакцию около года назад. Вначале мы равнодушно отнеслись к тому, что в машинном бюро сидит невзрачная застенчивая девушка. Но вскоре мы все

убеждались, что она печатает и грамотней и быстрее, чем наша старшая машинистка Анна Никифорова. Были у Лары и другие достоинства: она никогда не подгоняла, если надо было продумать очередную фразу.

Через несколько дней Лара перестала краснеть при нашем появлении. Потом мы узнали, что она умеет не только улыбаться, но и весело, заразительно смеяться.

— Ой, ребята! — восклицала она, когда кто-нибудь начинала рассказывать смешную историю, и первая принималась хохотать.

Уже через месяц мы дружно обсуждали будущее нашей Лары. Конечно, нам всем хотелось, чтобы она училась, стала журналисткой, потому что все мы были влюблены в газету. Споры начались из-за того, в какой институт пойти Ларе учиться. Сёма Кимов, конечно, стоял за металлургический.

— Станешь инженером, — убеждал он горячо. — Будешь работать у нас в промышленном отделе.

— Журналисту прежде всего нужна общая культура, — возражал Яша Челанков. — Иди в педагогический институт.

В разгар нашего спора в машинное бюро вошел заместитель заведующего отделом культуры Володя Коновалов. Володе было не больше двадцати пяти лет, но держался он очень солидно и редко принимал участие в наших шумных спорах. Нетерпимым жестом он положил на стол предначиненный для перепечатки материал. Но на этот раз уходить не торопился. Послушал несколько минут, потом сказал своим обычным, немного поучительным тоном:

— Не обязательно Ларисе учиться в нашем городе. В Москве выбор куда больше. Надо написать справочник «Куда пойти учиться» и тогда уже решать.

Когда дверь за ним закрылась, Лара обвела нас растерянным взглядом и сказала тихо:

— Почему вы думаете, ребята, что я смогу стать журналисткой? Ведь я ничегошеньки не умею писать. Вот вы мне диктуете, а я и тогда удавалось, как это у вас получается...

Справочник «Куда пойти учиться» был написан, достоинства и недостатки каждого института подробно обсуждались по вечерам, после того как весь материал в очередной номер был сдан. В конце концов всё же остановились на педагогическом институте.

Постепенно Лара заняла заметное место в редакционной жизни. Ее выбрали в бюро комсомольской организации. По воскресеньям она устраивала экскурсии или поездки за город — к морю, в лес. Лара была мастерица на выдумки. Она у нас даже организовывала в одном из пустующих скалов.

И вот теперь, когда наш новый журналист скрылся за дверью машинного бюро, мы насторожились. Нам хотелось, чтобы он диктовала Анне Никифоровне. А то вдруг обидит нашу Лару: найдет диктовать знаки препинания, в которых она наверняка разбирается не хуже его.

На днях Никифоровна, видимо, была занята: застучала машинка Лары. Мы углубились в свою работу. Новичок невинно диктовал за перегородкой и только подписи произноси отчетливо, броско, так, что все услышали: «Михаил Тарасов», — как будто это была не простая записка, а по крайней мере очерк на два подвала.

На другой день в газете появилась статья Михаила Тарасова под рубрикой «На городские темы». Это было довольно едкий фельетон, высмеивавший неперспективность отдела коммунального хозяйства. Говорилось о плохом освещении на окраинах, о том, что прокладка водопровода на одной из улиц ведётся уже второй год и жителям приходится перепрыгивать через траншеи и горы земли. Наш новый сотрудник подметал и другие мелочи, к которым мы давно пригласились.

Этот материал на летучке, как называются короткие редакционные совещания, получил хорошую оценку.

Постепенно Тарасов входил в жизнь коллектива. Он стал актуальнее, шире и хотя и не совсем, но довольно обсуждал с Ларой причины своих неудач, за что Сёма Климов прозвал его «теоретиком стрелкового дела». Высказал он с нами и за город. Оказалось, что Тарасов — хороший папаша. Всякий раз, когда Лара смотрела в его сторону, он переворачивался на спину и лежал на воле нам бархатная, делая вид, что пугается мелюзги. И Лара смеялась так заразительно, что мы тоже невольно улыбаемся.

Два раза в месяц мы проводили занятия литературного объединения, созданного при редакции. Лучшие стихи и рассказы участников объединения часто печатались на «литературных страницах» газеты. Тарасов стал приходить на эти обсуждения. Он высказывал довольно длинные замечания о том, что диалог должен характеризовать героев, распространялся о сюжете, композиции.

Однажды Тарасов отпросился у редактора на день, чтобы съездить в областное издательство, поговорить о книге, которую он задумал. Признаться, мы сомневались в том, что он может написать книгу. Но первое фельетона Тарасов привнес только информационные заметки. Наш забывчивый редактор вызывал его, посоветовав прислать в отделе писем среди полученных материалов тему для фельетона. Тарасов добросовестно просмотрел десятки писем, но темы, которых привлекал бы его в восторг, как он выражался, не находил.

На другой день, вернувшись из областного города, Тарасов небрежно показал нам договор, заключённый с издательством. Настоящий договор, отпечатанный типографским способом на чистых страницах! Из договора следовало, что Михаил Петрович Тарасов, который будет в дальнейшем именоваться «автором», обязался написать повесть о комсомольцах размером в пятнадцать печатных листов, под названием «Лара».

В честь нашей машинистки, — пояснил он небрежно и добавлял: — Когда перечислят аванс, отметим.

— Что-то ваших фельетонов в последнее время не видно! — неодобрительно заметил Никита Иванович, возвращая договор сияющему Михаилу.

— Повестью мысленно был занят, — добродушно ответил Тарасов. — Но хорошо, что вы мне про фельетоны напомнили. Надо будет взяться. А то и редактор начинает сердиться.

Но фельетоны за подписью «Михаил Тарасов» так в газете и не появлялись. Все свою энергию Тарасов сосредоточил на собирании информационных заметок. Надо отдать ему справедливость за день он успевал побывать и в горсовете, и в различных торговых предприятиях, и в порту, и у рыбаков.

У нас была традиция: в день гонорара угощать Лару конфетами. Трудно сказать, кто первым это придумал, но каждый гонорарный день на столе у Лары появлялась небольшая коробка конфет.

— Зачем это вы, ребята! — каждый раз протестовала Лара и прижималась угощать нас всех.

Однажды после получения гонорара Тарасов появился в машинном бюро с огромной коробкой, перевязанной алой лентой. В этот день эти конфеты пришлось разделить одной Ларе: у всех у нас неожиданно нашлись срочные дела. Хотя нет, не одной, ведь Тарасов остался с ней.

Каждый день после работы наша Лара подолгу засиживалась в редакции, печатала повесть Тарасова. Он переносил машинку в какую-нибудь пустовавшую комнату, и тот из нас, кто дежурил по номеру, слышал его сонный, раскатытый голос, изредка прерываемый звонким смехом Лары.

Всем нам это не нравилось, а особенно Яша Чепалов, который помогал девушке в занятиях. Лара в последнее время совсем запустила учёбу. Мы пробовали поговорить с ней, убеждали, что Тарасов может диктовать другой машинистке. Но с некоторых пор между Ларой и Ларой возникла какая-то отчуждённость. Лара отвечала односложно или вдруг начинала сердиться, говорила, что мы несправедливы к Тарасову. Она верила, что повесть получится хорошей, и даже гордилась тем, что главная героиня повести носит её имя.

Потом произошло то, чего мы давно должны были бы ожидать, если бы обладали большим житейским опытом: Лара вышла за Тарасова замуж. Мы узнали об этом случайно: заведующий отделом информации как-то послал курьера за Тарасовым в гостиницу, но так сказал, что уже несколько дней назад он переехал на частную квартиру. На другой день, получив записку за то, что не оставил в редакции свой адрес, Тарасов ухмылялся и произнес таким тоном, словно это само собой разумеется: — Разве я не сказал, что теперь живу у Лары?

В этот день у нас было тяжело на душе. Трудно сказать, почему нам казалось, что Лара сделала ошибку, давшую ошибку. Но глаза её светились таким счастьем, что мы молчали и только старались теперь диктовать Анне Никифоровне.

— Что вы на меня дуетесь, ребята? — спросила как-то Лара Сёму Климова. — Должна же я была когда-нибудь выйти замуж. Сёма нечего было возмизать. И всё же были правы мы: ведь мы были с ней настоящими друзьями, а она даже не сказала нам, что выходит замуж за Тарасова, что любит его. Впрочем, наши советы ей, конечно, уже не были нужны: когда любишь, то советуешься только со своим сердцем.

Как-то накануне очередного собрания литературного объединения Тарасов сказал небрежно Володе Коновалову:

— Хочу завтра прочесть парочку отрывков из своей повести.

«Почему так везёт этому неприятному человеку? — недоумевала я. — Его любит замечательная девушка. Издательство подписало с ним договор. Зарплата будет обильнее любого из нас, хотя отдаёт газете совсем немного времени».

— Когда Тарасов достал из своей молотковой папки рукопись, перепечатанную Ларой, и прочёл несколько страниц, присутствующие стали недоумённо переглядываться. Кто-то из наших заводских гостей бросил лживую улыбку.

— Еёш неинтересно, могу прекратить! — обиделся Тарасов.

— Нет уж, читайте! — решительно возразил наш старейший рабкор Данила Игнатьевич. — Прочитайте, в мы обдумим.

Когда чтение кончилось, с минуту все молчало. Далеко не всё, что читалось на наших воскресниках, было удачным. Нередко начинавшие авторы подвергались суровой критике. Но всё-таки каждый из нас был дилетантом в своём, пусть незрелые произведения мы думали. А это была халтура, самый откровенный халтура.

Первым встал слово Данила Игнатьевич.

— Звонко, а пусто! — решительно заявил он. — Непонятно, какие это рекорды ваша Лара ставит, кем она работает. Сегодня двести процентов, завтра триста, а человека-то и не видно. Он говорил даго, но и без того было ясно, что прочитанные отрывки нигде не годятся.

Видно, забывал Тарасов, работая над повестью, собственные утверждения, что диалог должен служить средством изображения характеров, и все те теоретические положения, о которых он так пылко разглагольствовал на литературных воскресниках. Когда обсуждение закончилось, Тарасов поднялся и с деланной улыбкой поблагодарил всех за критику.

Утром Лара смущённо спросила Яшу Чепалова:

— Правда, что мою повесть разругали?

Участница IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Бухаресте
Мария Иондутава исполняет танец «Глубоко».

Фото А. Молекова.

Сибирский русский народный хор, с успехом выступавший на IV Всемирном фестивале молодежи и студентов.

Фото Л. Бакалова.

НАША ЦЕЛЬ—МИР ОТСТОЯТЬ

Прага, Будапешт, Берлин, Бухарест—города всемирных фестивалей молодёжи. Эти города суждено войти в историю молодёжного движения. Всемирные фестивали молодёжи подобны ступеням гигантской лестницы, которая ведёт миллионы юношей и девушек всего мира к совершенно новым надеждам, сокровенным мечтам.

Где бы ни жил молодой человек нашего времени—в далёкой тропической стране или у берегов северных морей,—какого бы цвета ни была у него кожа, какими бы ни были его политические, социальные и религиозные взгляды,—простой, честный молодой человек хочет жить в мире. Он хочет, чтобы его талант, ум, энергия, воля служили процветанию народов, чтобы споры, противоречия между странами, если они есть, решались мирным путём, путём переговоров.

Всё больше и больше юношей и девушек разных стран приходит к мысли о том, что отстоять мир можно только объединёнными усилиями, что во имя счастья всех надо каждому встать в сплочённые и сильные ряды борьбы за будущее человечества. Мыслью о необходимости единства жил III Всемирный конгресс молодёжи, собравшийся в Бухаресте незадолго до открытия фестиваля. В огромном зале Флареску рассказывали о своей борьбе, спорили и мечтали юноши и девушки ста шести стран мира.

— Сама жизнь учит нас, что одинокий человек, оставшийся наедине со своими тревогами, сомнениями и робкими надеждами, неминуемо погибает, если сердце не приведёт его к людям. Только объединяя наши надежды и мечты, только слив воедино наши воли, мы можем стать непобедимыми перед призраком войны. Поверьте мне: молодёжь всё больше и больше чувствует это! — так сказал нам в первые минуты заседания конгресса парижский студент Иа Гронз.

Подобно многим своим сверстникам из капиталистических стран, этот юноша беспокоился и страстно искал ту силу, которая могла бы победить зло, прогнать тьму. Он внимательно присматривался к деятельности разных организаций молодёжи, но заигноривая антиматизм, то очаровываясь и мучительно тоскуя, потеряв веру в силу простых людей.

Всё ещё сомневаясь, поехал Гронз на III Всемирный фестиваль молодёжи в Берлин. В Австрии на делегатов напали американские солдаты. Гронз видел, как на полном ходу солдаты выбросили из вагона английскую девушку, как американский офицер был рукояткой пистолета итальянского пионера. Десять дней провёл Гронз за колочей проволок под охраной американских солдат. И все эти десять дней Гронз боролся за свободу вместе с молодыми католиками, христианами, социалистами, либералами, коммунистами. Молодёжь победила. Делегаты прорвались на фестиваль. Это был первый урок силы единства, который дал Гронз сама жизнь.

И Гронз нашёл источник энергии и надежд, который он так мучительно искал. Он был одним из активных участников подготовки к IV Всемирному фестивалю молодёжи в Бухаресте. Студенты Парижа избрали его также делегатом на III Всемирный конгресс молодёжи.

Можно было бы назвать тысячи имён молодых людей, подобных Гронзу, искавшим правду, прошедшим через сомнения и колебания и наконец нашедшим её. Стремление к объединению в эпоху светлого будущего привело в Бухарест бесстрашного индийского юношу Ашвиньо Фрулини, спортивного тренера из Дании Генри Джексона, преподавателя лондонского колледжа Джона Хастеда, чилийского шахтёра Гомеса Гуана. В работе конгресса, а затем в фестивале приняли участие целые организации, не зациклившиеся на Всемирную федерацию демократической молодёжи. И это было всеобщим признанием плодотворной деятельности ВФДМ в защиту мира и прав молодёжи, свидетельством растущего авторитета этой молодёжной организации.

На всю жизнь останется в памяти тех, кто

Делегаты различных стран несут эмблему ВФДМ.

ОБРАЩЕНИЕ

УЧАСТНИКОВ IV ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ
МОЛОДЁЖИ И СТУДЕНТОВ К МОЛОДЁЖИ МИРА

30 тысяч молодых людей из 111 стран обращаются к своим братьям и сестрам. Дорогие друзья!

Мы, участники Четвёртого Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, сплотившись под знаком мира и дружбы. Наша встреча, полная радости, света и надежды, является демонстрацией того, что молодёжь всех убеждений и верований всегда может понимать друг друга.

Мы жаждем счастья. Мы хотим, чтобы возгорестовал мир и дружбу, которые открыто для нас счастливое будущее.

Мы призываем молодых людей всего мира объединить свои юношеские силы: — для того, чтобы посюсю возгорестовал дух переговоров над духом силы, примером чего служат заключённые перемирия в Коре, — для того, чтобы каждый народ был хозяином у себя дома и чтобы между нациями были установлены отношения взаимного доверия, основанные на равноправии,

— для того, чтобы осуществлялись надежды молодого поколения на лучшее будущее, и для того, чтобы посюсю уважались священны права молодёжи, — для того, чтобы беспрепятственно развивалась культурный и спортивный обмен между молодёжью различных стран, который позволяет лучше узнать друг друга.

Юноши и девушки! Объединитесь для того, чтобы наши мечты и надежды на лучшее будущее стали действительностью!

Молодёжь всего мира, вперед!

Бухарест, 16 августа 1953 года.

был в эти дни в Бухаресте, волнуемые минутой торжественного марша делегаций на стадионе имени 23 августа. Разве забудут вчерашние корейские солдаты, как несли их на руках простые, честные юноши Америки! У дальних парадных кустов рассказывали вьетнамские делегаты о том, как засыпали их цветами французские девушки. Вечно будут помнить индонезийские патриоты, как их голландские братья и сёстры пели, поднимая над головами скитые кулаки «Индонезия-свободна!» (Индонезия будет свободной!). Это была грандиозная демонстрация дружбы, интернациональной солидарности, воли к миру.

На фестивале рождалась, росла и крепла дружба молодёжи, превращаясь в несокрушительную силу. О дружбе, единстве говорили делегаты, встречаясь друг с другом на улицах Бухареста, в концертных залах, на спортивных площадках.

В дни фестиваля в гости друг к другу приходили целые делегации. За дружеским столом, в открытых беседах рассказывали юноши и девушки о своей жизни, о борьбе за права молодёжи, обменивались подарками, автографами. Память об этих встречах остаётся навсегда в их сердцах, потому что эти встречи укрепляли в каждом сознание возможности мирного сосуществования народов.

На одной из таких встреч, изволнованный непринуждённой беседой, хорошо сказал один из делегатов США:

— Нам пытаются уверить, что мы «потерянное поколение», «безучастное поколение». Но это не так. Мы поколение, которое видит светлую цель жизни, и мы знаем теперь, что к этой цели мы должны идти во имя счастья американского народа.

Как букеты ярких цветов, принесли на фестиваль в Бухарест юноши и девушки самые

мелодичные песни своих стран, самые звучные народные поэмы, самые красочные тенденции. Все пятнадцать дней фестиваля Бухарест можно было считать городом-театром. В десятках концертных залов, многие из которых были специально построены к празднику, на широких, залитых светом прожекторов площадках, на летних площадках в садах и парках пели, танцевали, разыгрывали остроты злободневных пьес юные и девушки Нигерии, Вьетнама, Англии, Германии, Франции, Алжира и десятков других стран.

И все национальные художественные программы, являлись ли их участники профессиональными певцами и танцовщицами или это были земледельцы, юнцы, строители, студенты, содержали в себе одну главную мысль. Бухарест пел песни о мире, дружбе, единстве. В всеёлых хорах, тесно вставших за руки, как братья и сёстры, стояли одной семьей черные, желтые, белые. Надолго запомнятся притихшие концертный зал. На сцене группа юной и девушек из Чёрной Африки. Склонив колени, они сидят возле угасающего костра. Слышны чуть горькие звуки унылой песни. Девушка поёт, обратив взор куда-то ввысь, к звездам. Юноши слушают песню молча. Потом они начинают подпевать девушке. Песня звучит всё решительнее, и в ту минуту, когда она становится призывной, встает весь зал и подхватывает песню. Сквозь открытые окна песни вырывается на улицу, её принимают, как эстафету, юноши и девушки, не появившие на концерт.

Мы будем свободны,
Нас рабство не сломит.
Мы, дети народа,
Добудем свободу,
Добудем свободу родному народу,—

небеса далеко окрест.

Молодёжный хор из Парика под управлением Анжелины Анри исполнил песни об Анри Мартине. Австралийская делегатка Барбара Тайлор вместе со своими друзьями исполнила танец «Девочка-туземка». Австралийские делегаты создали этот танец во время своего двухнедельного путешествия в Бухарест. Идея танца заимствовала и увлекла всех исполнителей. Танец передаёт рождение дружбы между белыми девушками и смуглыми островитянской.

В тот день, когда Барбара Тайлор и её друзья впервые вышли на сцену в городе фестивала, в другом зале Бухареста выступали молодые алжирцы.

...Порт. Грузчики сгибаются под тяжестью непосильной ноши. Многие из них не выдерживают и валятся с ног, измученные голодом. Хозяева плетками подгоняют грузчиков. Вдруг один из рабочих обнаруживает, что в ящиках оружие. Пароход отправляется во Вьетнам.

— Эти винтики будут стрелять в наших братьев! — кричит рабочий.

Миг — и ящики с оружием летят в море.

В едином порыве встают зрители и громко аплодируют награждая артиста, адохию, адохию исполнивших эту патристическую пантомиму.

Из зала в зал, от песни к песне, от одного хора к другому через все пятнадцать дней фестиваля пролетали незримые нити, связывавшие все песни и все танцы в один прекрасный венок дружбы.

Так было в концертных залах, на улицах и площадях города. Так было на многочисленных стадионах и спортивных площадках Бухареста. Четыре тысячи триста спортсменов из пятидесяти четырёх стран мира померялись силами в беге, плавании, играх. Спортивные состязания фестиваля 1953 года по числу участников в два раза превосходили спортивные состязания фестиваля в Берлине. И это тоже неопровержимо свидетельствовало о страстном стремлении юной и девушек расширять и укреплять дружбу между народами.

Нельзя было сказать, когда в Бухаресте наступит ночь. Едва подступали к городу сумерки, вспыхивал «электрический день». Улицы, площади, парки продолжали звенеть песнями, Разноязыкий говор, крики, быстрые костюмы — всё несло в себе радость жизни, счастье молодости.

Вот группа юной и девушек обступила советских делегатов. Каждому хочется показать им руку.

— Мы уже три раза слушали ваш хор студент! — перебивая других, жарко говорит французский юноша.

Его товарища, студента из Калькутты, поразило спортивное мастерство Александры Пушиной.

— Нет, друзья, вы, видно, не слышали, как поёт Олейниченко! — с трудом выговаривая украинскую фамилию, восторженно добавляет итальянец.

Делегация Страны Советов. Молодое поколение народа, строящего коммунизм! И в минуту, когда было объявлено о заключении перемирия в Корее, и в час торжественного открытия фестиваля, на концертах, на улицах, в залах советских выставок — всюду тысячи юной и девушек, собравшихся в Бухаресте, от всего сердца приветствовали посланцев нашей Родины.

Каждый из делегатов фестиваля знал, что именно Советский Союз и советский народ, верные своей миролюбивой политике, первыми подняли голос, зовущий правительства к переговорам, к разрешению всех спорных вопросов мирным путём.

Около тридцати тысяч юной и девушек из ста одиннадцати стран мира пришли уша-

ствие в IV Всемирном фестивале молодёжи и студентов за мир и дружбу. Это было выдающееся событие в жизни молодёжи мира, замечательный праздник молодого поколения. Ведь за каждым участником фестиваля стояли сотни и тысячи юной и девушек, ведь миллионы взоров молодых людей мира с надеждой были устремлены к городу мира — Бухаресту.

Над всей землёй разнеслись слова Обращения участников фестиваля к молодёжи мира. От имени всего молодого поколения земного шара делегаты фестиваля единодушно заявили о своей решимости отстоять мир, приложить все усилия для укрепления дружбы между народами, для мирного урегулирования всех нерешённых спорных вопросов.

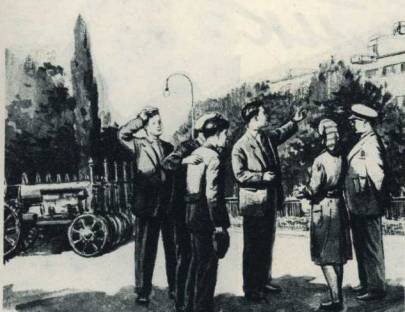
Свет великой правды, свет борьбы и надежды, свет дружбы и единства, ярко вспыхнувший на фестивале в Бухаресте, не погаснет. Из страны в страну, из города в город, от сердца к сердцу его пронесут юные и девушки, поклявшиеся в верности общему делу. И никакие границы, никакие прокси аргов мира не смогут помешать этому.

А. АДЖУБЕЙ,
Б. СТЕЛЬНИКОВ

Бухарест.
Август.

На улицах Бухареста в дни фестиваля. Представитель Нигерии среди румынской молодёжи.
Фото ТАСС.

СТУДЕНТЫ В ЦЕХУ

Л. ПАРФЕНОВ

Несмотря на ранний час, солнце заметно припекало. Оно поблещивало в дужках, оставшихся от ночного дождя, жарко нагревало асфальт. Откуда-то из-за домов рабочей посёлка доносились редкие гудки ударов пневматического молота.

На площадке около школы стояли, переговариваясь, студенты-практиканты.

— Пошли, пошли, товарищи! — торжесливо сказал, подходя к ним, Пётр Иванович Гуров, руководитель практики. — С нынешнего дня мы рабочие, и опаздывать нам не полагается.

— Владимирский тракторный завод имени Жданова совсем молодой, — рассказывал Пётр Иванович Гуров. — Строится он начал в 1942 году, в тяжёлое, военное время. Посмотрели бы вы, что здесь прежде было! Кучи глины, овраги, бурьян. Осенними ночами здесь колес выли... Теперь не узнаете этих мест.

Миновав проходную, практиканты очутились в тени молодых крупнопанельных тополей, от которых во все стороны расходились аллеи. Бодягой одной из них стояли готовые новенькие тракторы марки «Универсал». Пётр Иванович остановился:

— Смотрите-ка сюда, товарищи! В создании этих машин с сегодняшнего дня будете участвовать и вы.

Майя Косилина, высокая девушка в рабочем халате, с волосами, туго скученными косынкой, осторожно дотронулась до радиатора трактора и глубоко вздохнула:

— Я, наверное, не сумею, Пётр Иванович. Очень сложно.

Все засмеялись. Но Пётр Иванович пристально взглянул на Майю и строго сказал:

— Образованный человек не может не уметь. В крайнем случае он может не хотеть.

На производственной практике студенты 3-го курса Московского института механики и электрификации сельского хозяйства имени В. М. Молотова должны были не в учебных мастерских, а на живом, практическом деле, в условиях большого производства, применить и закрепить свои теоретические знания.

Ибрагим Махомеджанов стоит перед начальником цеха сборки моторов.

— У нас сегодня ушёл в отпуск рабочий из второй смены, занятый на первой операции, — говорит начальник. — Могли бы вы его заменить?

Первая операция чуть ли не самая трудоёмкая. Нужно поставить в блок-картер коленчатый вал и запрессовать на него маховик. Правда, почти вся операция механизирована, но для опытного человека это как раз и создаёт дополнительные затруднения. Надо во-время повернуть рукоятку, во-время подать её от себя.

Пока Ибрагим смотрел на сборку со стороны, всё ему казалось просто и легко. Но вот началась вторая смена. Ибрагим встал на рабочее место. Несколько сборщиков с интересом наблюдали за практикантом. Как-то он возьмётся за дело?

Ибрагим подцепил подъёмником тяжёлый блок и положил его на приспособление.

— Правильно! — одобритивно заметил один из сборщиков.

У Ибрагима отлегло от сердца. Он оставил вал, нажал на рычаг маховика. Теперь запрессовать. Послышалось шипение... Маховик чуть подпрыгнул и остановился.

Кто-то толкнул Ибрагима за плечо. Он обернулся и увидел мастера.

— Что, первый блок комом? — добродушно сказал мастер и скло-

нился над приспособлением. — А ну, смотри сюда. Видишь, шпильные канавки не сходятся? Снимай блок. Маховик надо выбить обратом.

Ибрагим не смел глаз поднять на мастера и молча принялся вытаскивать блок.

Мастер помог ему вставить новую деталь и теперь уже вежливо, обращаясь к Ибрагиму на «вы», сказал:

— Ничего, не волнуйтесь. Я сам виноват, что не подсобил и вам раньше. Если канавка пойдёт, пошлите, зовите меня или кого-нибудь из ребят. Помочь мы всегда готовы.

К концу смены Ибрагим собрал десять блоков. Нормы была двадцать пять.

Парень-подопсич значительно посмотрел на штабелё ожидающих своей очереди блоков и громко, чтобы слышал повзвоч, сказал мастеру:

— Мне вроде можно бы и отдохнуть, Анатолий Николаевич?.

Мастер усмехнулся:

— Ну, ну, отдай, набирайся сил. Денька через три тебя наш практикант испарится заново.

Пареньк-пребрежливый свистнул и усеялся на пожарный ящик — живым укором Ибрагиму.

...

На следующий день Ибрагима перевели в первую смену. Перед обеденным перерывом его навести один из студентов, Миша Степков, работавший по соседству на испытании моторов.

— Ну, как, практика приносит пользу? — спросил Ибрагим, зловредно с другим.

— Болтушка! — как всегда дерзково сказал Миша и в раздумье погладил подбородок. — Ты знаешь, я до института и шофёром работал и трактористом. Мотор знаю. Мне мастер объяснит, как его запустить, как на стелс ставить, я головой киваю, а сам больше по сторонам глазею. Дело давно известное. Ну ладно. Начал я ставить магнето. Не становится, и всё тут. Крутил, крутил я его — ничего не выходит. Оказывается, шпильки сломы. Рабочий подошёл, стукнул легонько молотком, и моё магнето встало на место. Подумаю, сколько можно времени потерпеть, если упустишь из виду такой пустяк! Но теперь я уж этот шпильник никогда не забуду!

Миша улыбнулся широкой, открытой улыбкой.

— Ну ладно, я всё о себе да о себе... как справлюсь с этой работой?!

— В том-то и дело, что не справлюсь. Не выполняю норму.

— А Коля Иванов вчера вдвое перевыполнил своё задание.

— Вадос! В первый же день? Вот это да!

Коля работал в моторном цехе на токарно-винторезном станке. Вчера, прежде чем приступить к работе, он подробно осматрел станок, вспомнил всё, что им говорилась на лекциях, узнал, из какой стали сделана заготовка, и в соответствии с этим заточил резец, придерживаясь тех норм, которые давались на лекциях. Теперь, когда резец был заточен поновому, стало возможным увеличение подачи.

Мастер, человек средних лет, вечно чело обозначенный, сначала встретил на Колю с изумлением. Он вертел в руках готовые детали и придирижничал, проверяя их контрольной скобой. Но к концу сме-

ны, когда оказалось, что Коля вдвое перевыполнил норму, мастер поблещив и даже предложил ему закурить, спросил, работал ли тот раньше на токарных станках.

— Только в учебной мастерской, — с деланным безразличием ответил Коля.

А мастер продолжал между делом, как бы вовсе не придавая этому значения, расспрашивать практиканта, почему он именно под таким углом заточил резец, почему увеличил подачу.

Заметив, что девушки-станочницы окружили их и шепчутся между собой, он строго прикрикнул:

— Вам что нужно, девушки? Брали бы лучше пример с молодого человека, чем толкаться здесь.

Позже он доверительно говорил Николаю:

— Норму у меня девачка, конечно, выполняет, некоторые даже — это пятьдесят процентов, а дальше, образования не хватает.

Сегодня до обеда Коля опять дал двойную норму. Когда сирена прогудела на обед, он заметил подходящих товарищей.

— Ну, как, обменяемся опытом? — весело спросил Коля.

Разговаривая, они вышли из ворот цеха и столкнулись с Майей Косилиной.

— Знаете, ребята, оказывается, это совсем не так уж трудно, как я думала! — возбуждённо заговорила Майя. — Сначала, когда подходишь к станку, он кажется таким непонятным и страшным, а взглядышь — он, оказывается, старый знакомый: нам на лекциях о нём говорили! вспомнюсь, его кинематическую схему и сразу находишь рукоятку, за которую надо взяться... Словом, это как на экзамене: берёшь билет — кажется, ничего не знаешь, последний момент — и всё вспоминаешь!

Ибрагим задумчиво потёр щеку.

— Выходит, друзья, среди нас четверть один я отстающий.

...

Весь следующий день прошёл для Ибрагима в напряжённой работе. Он меньше горючился, движения его стали точнее, увереннее. Во всех трудных случаях ему помогал мастер или кто-нибудь из сборщиков. Приходящие посмотреть на его работу и начальника цеха. Он посоветовал Ибрагиму больше использовать подъёмник. Это сэкономило силы.

На пятый день работы в цехе Ибрагим собрал двадцать пять блоков. Понимая, что успеваешь, переставлял детали, и в конце смены «отдыхать» пришлось Ибрагиму.

Кончилась практика. В начале августа студенты разъехались на каникулы. Они окрепли, возмужали. Когда Ибрагим последний раз пришёл в цех, чтобы попрощаться с рабочими, мастер, крепко пожимая его руку, сказал:

— Хороший инженер получится из тебя, Ибрагим!

Фото Я. Халипа.

Практика в море

1. Ежегодно студенты Московского рыбного института имени А. И. Микояна проходят летнюю практику на морях нашей страны. Этим летом группа студентов четвертого курса проходила практику на борту научно-исследовательского судна «Гонец» в Азовском и Черном морях. Перед выходом в море доцент Б. В. Сукачев проводит на палубе беседу со студентами.

2. Всё готово к опусканию дночерпателя. При помощи этого несложного приспособления берутся пробы грунта со дна моря.

3. Подходит вечер, но работа на судне не прекращается. Студенты осматривают пойманных планктонных животных.

4. С каждым часом ветер свежеет. И хотя работа продолжается, студенты прищипчиво осматривают...

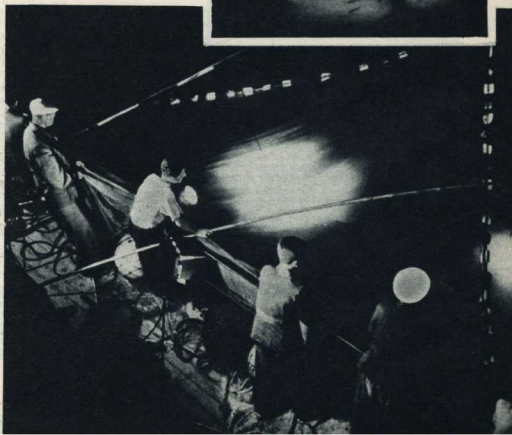
...рашается. Студенты производят выборку
...обитатели морской воды.

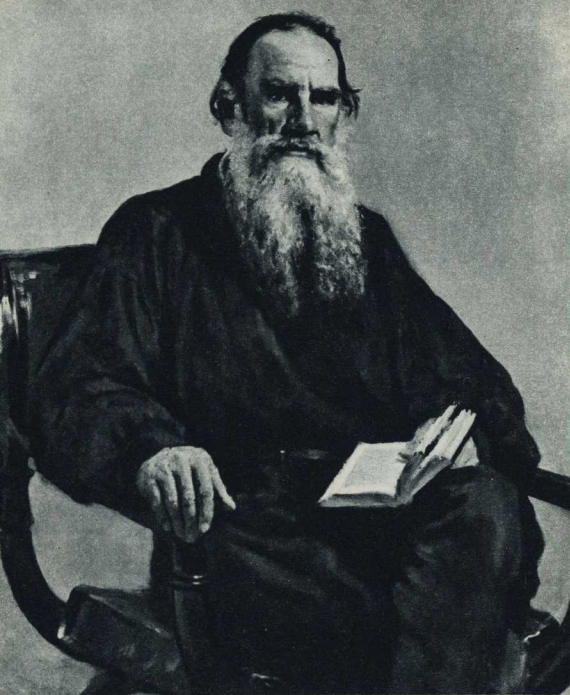
...становятся всё круче, на палубе кипит
...готовя их к предстоящему лову.

5. Сложно устроен морской ноппас. Но уметь обращаться с ним надо безукоризненно. Студенты рыбного института несут все ходовые вахты наравне с матросами.

6. Одна из самых интересных и увлекательных работ на прапине — ночной лов с помощью мигающего электрического света. В темную воду опускаются мощные лампы, и рыба, привлеченная ярким светом, постепенно собирается к ним. Одна за другой лампы выключаются, а последняя вместе с рыбой поднимается кошельковым неводом. Теперь только остается поднять лов на борт.

Лев Николаевич Толстой.

Портрет работы И. Е. Репина.

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

[К 125-летию со дня рождения Л. Н. Толстого]

Жизнь и деятельность великого русского писателя Льва Николаевича Толстого проходила в эпоху, насыщенную важнейшими историческими событиями.

Толстой как художник выступил ещё в период распространения идей революционных демократов: В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, — а последний период его деятельности совпал с эпохой первой русской революции.

Творчество Толстого, как отмечал А. М. Горький, воплотило в художественных образах «итог всего пережитого русским обществом за весь XIX век». Однако наиболее выпукло, рельефно, широко отражён в произведениях писателя пореформенный, дореволюционный период жизни России.

В. И. Ленин, определяя эпоху Толстого как эпоху 1861—1904 годов, писал, что происходящая в эти годы в результате капиталистического развития страны «...бедная, тяжёлая, острая ломка всех старых

«устоев» старой России и отражалась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя».

Горячее сочувствие к страданиям народных масс, испытывавших гнёт помещиков и капиталистов, привело великого писателя в 80-х годах к разрыву со взглядами среды, к которой он принадлежал по рождению и воспитанию.

Лев Толстой стал идеологом патриархального крестьянства, выразителем его дум и чаяний.

«Великое народное море, взволнованное до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого», — писал о нём В. И. Ленин.

Произведения Толстого с поразительной художественной силой рассказывают нам о старой, царской России, реалистически показывают гнёт помещика и мужика, передают гнев, ненависть, озлобление миллионов крестьян против своих притеснителей.

Лев Николаевич Толстой родился 9 сентября (28 августа по старому стилю) 1828 года в имении Ясная Поляна близ Тулы. Рано лишившись родителей, будущий писатель воспитывался опекунами, сначала в Ясной Поляне, а затем в Казани, где он в 1844 году поступил в университет. В 1851 году Толстой вместе с братом Николаем уехал на Кавказ, где участвовал волонтером в военных действиях против Шамшала. Здесь Толстой написал первую свою повесть, «Детство», опубликованную Н. А. Некрасовым в 1852 году в «Современнике».

Повести «Детство», «Отрочество» и «Юность», рассказы из кавказской жизни («Набег», «Рубка леса»), опубликованные в 1852—1857 годах в «Современнике», принесли Толстому широкую известность.

Демократические настроения молодого писателя и необычайная сила его художественного таланта дали возможность Н. А. Некрасову, Н. Г. Чернышевскому, И. С. Тургеневу и другим его замечательным современникам предвидеть и правильно оценить огромное значение Толстого для русской и мировой литературы.

В начале 1854 года Толстой был произведён в офицеры и уехал с Кавказа в Дунайскую армию, а затем добровольно перешёл в Крымскую армию и принял участие в героической обороне Севастополя. В Севастополе Толстой находился на самом опасном участке обороны — четвёртом бастионе.

Но и в этой напряжённой обстановке его литературная деятельность не прекращалась: здесь Толстой написал три севастопольских рассказа, воспевавших героизм защитников Родины.

Первым и основным принципом своего творчества Толстой провозгласил правду жизни.

Рассказ «Севастополь в мае» Толстой заканчивает словами: «Герой его (рассказа. — Ред.) тот, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

Севастопольские рассказы, обличившие гнилощность крепостнического строя, а также сочинённый писателем солдатский песен «Как четвёртого числа...», которая высмеивала бездарность штабных генералов-карьеристов, вызвали недовольство начальства. В 1856 году Толстой был уволен с военной службы.

Пятидесятые годы были периодом расцвета творчества молодого писателя. Кроме трилогии и военных рассказов Толстой опубликовал «Метель», «Два гусара», «Утро помещика» и выпустил первое отдельное издание своих рассказов, получившее высокую оценку Н. Г. Чернышевского.

В повести «Утро помещика», созданной из начальных глав незавершённого «Романа русского помещика», Толстой реалистически изобразил непримиримость интересов крепостников и крестьян.

В 1857 году Толстой отправился за границу в составе Француз, Швейцария, Северную Италию и Германию. Буржуазная западноевропейская действительность произвела на него гнетущее впечатление. С резкой критикой буржуазной цивилизации Толстой выступил в рассказе «Ахир».

После возвращения из-за границы Толстой создал рассказы «Альберт», «Три смерти», повесть «Семейное счастье», а в 1859—1860 годах отдался педагогической деятельности в основанной им в Ясной Поляне школе для крестьянских детей.

В 1860—1861 годах Толстой снова побывал за границей. Целью его поездки было изучить опыт западноевропейской педагогики, чтобы «никто не смея ему в России указывать по педагогике на чужие края».

На сей раз он посетил Германию, Францию, Италию, Англию, Бельгию. В Лондоне слушал лекцию Дикенса о воспитании, встречался с Герценом, находившимся в эмиграции, осматривал школы и музеи.

Толстой глубоко интересовался историей декабристов. Этот интерес был усилен их

возвращением с каторги в 1856 году. Толстой задумал роман о декабристах. Изучая историю движения декабристов, Толстой должен был обратиться к войне 1812 года, явившейся исходным моментом этого движения. Величайшие события 1812 года, когда русский народ разгромил полчища Наполеона, так захватили Толстого, что, оставив работу над романом о декабристах, писатель создал величественную эпопею об Отечественной войне, роман «Войну и мир» — одно из самых выдающихся произведений мировой литературы.

В центре романа — изображение борьбы русского народа за свободу и независимость Родины. К этой благородной цели устремлены действия крестьян, которые, вооружившись чем попало, не давали покоя врагу ни днём, ни ночью, куща Ферапонтова, который съел свою лапшу, чтобы провант не достался врагу. Во имя этого действуют и партизаны — крестьянин Тихон Щербатый, и батареицы Тушина, и князь Андрей Болконский, и великий полководец Кутузов. Все они охвачены единым чувством патриотизма.

Однако уже в ранних повестях и первом романе Толстой проявлялся противоречие писателя. Толстой неверно понимал закономерности исторического развития. Он полагал, что ход исторических событий заранее предначертан свыше.

Этот неверный взгляд писателя на исторический процесс нашёл отражение в образе Кутузова. В некоторых главах романа Толстой ошибочно рисует Кутузова пассивным, не имеющим плана действий, но, несмотря на это, роман с исключительной художественной силой передаёт главное в событиях 1812 года — великий патристический подъём, мужество и силу русского народа.

Масса о том, что народ — главная движущая сила истории, Толстой более отчётливо выразил в романе «Анна Каренина» (1873—1877 годы), резко противопоставив в нём трудовой народ господствующим классам.

Роман «Анна Каренина» создавался писателем в преддверии коренного перелома в его мировоззрении.

Светская праздная среда, которая погубила героиню романа, была ненавистна Толстому.

Великий художник осудил паразитическое существование русской аристократии, крупного чиновничества, буржуазных дельцов, в среде которых царил ложь, зависть, показное благородство и внутренняя подлость.

С диким мастерством описаны в романе русская природа, деревенская трудовая люд. Роман отразил все нарастающее титание Толстого к народу. Чем сильнее и глубже исследовал писатель в жизнь угнетённого крестьянства, тем более дорог становился ему труженик — крестьянин и тем острее он ненавидел угнетателей народа.

В последующие десятилетия, после перелома в начале 80-х годов идейного перелома, Толстой стал все действительность оценивать с позиций патриархального крестьянства. Это привело его к окончательному разрыву со своим классом.

В раз своих публицистических произведений — «Исповедь», «В чём моя вера», «Так что же нам делать?» — Толстой выступил с резким обличением помещиков и капиталистов, утверждая, что крупная собственность является основой причинной страдания, голода и нищеты трудовых масс. Отрицания Толстым власти помещиков и капиталистов отражало всё более революционизирующиеся настроения многолюдного русского крестьянства.

Однако в своём творчестве и учении Толстой отразил не только сильные, но и слабые стороны крестьянской идеологии — её пассивность, апатичность. Обличая господствующий класс общества, Толстой не требовал от него радикально-православного учения о «непротивлении зла насилием», о «правственном самоуправствовании» и т. д. Толстой верил,

Ясная Поляна. Музей-усадьба Л. Н. Толстого. На снимке: кабинет Л. Н. Толстого.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Ясная Поляна была для писателя больше, чем домом, в котором он жил. «Без семьи Ясная Поляна и трудно могут представить себе Россию и мой отношение к ней», — писал он. Приезжая в Ясную Поляну, с первых шагов подпадаешь под властное, волнующее обаяние обстановки, в которой творил гениальный писатель.

Вот дом, где жил Лев Николаевич.

В самой большой комнате, служившей семье одновременно и столовой, и гостиной, и залом, вечерами собиравшиеся домашние и гости. За круглым столом, на котором стоит лампа под большим абажуром, Лев Николаевич знаком слушателей с замеченными главами своих романов, спорил о политике, об искусстве, литературе, морали. В этих разговорах и спорах принимали участие Тургенев, Чехов, Горький, Короленко, Репин и многие, многие другие.

Кабинет Льва Николаевича — святая святых дома. Отсюда гремел его гонимый, обличавший всех и всех. В маленькой комнате — большой письменный стол. В этой комнате, как и во всём доме, вещь находится в том порядке, в каком их оставил Толстой, навсегда покидая Ясную Поляну.

Но стол привлекает внимание большое пресс-папье из тёмного гранитного стекла. Оно подарено Толстому рабочими Мальцевского завода в 1901 году, после отлучения Льва Николаевича от церкви. На пресс-папье надпись: «Мы разделяем участь многих великих людей, идущих впереди своего века, глубоководный и переселенцев». И раньше их жгли на кострах, гибли в тюрьмах и ссылки. Пусть отлучают Вас как хотят и от чего хотят фарисей-переселенцев. Русские люди всегда будут гордиться, считая Вас своим, великим, дорогим, любимым».

В кабинете стол и другой подарок. Это эриоскопический фонограф. Сохранилось более десяти валинов с гранитованными Толстым писателями, записями литературных произведений, прочитанных им самим.

Однажды майским утром 1908 года Толстой узнал из газет о новых казнях крестьян. Глубоко возмущённый и возмущённый, он произнёс слова, облетевшие всю мир: «Нет, это невообразимо! Нельзя так жить! Нельзя так жить! Нельзя и жить. Каждый день столько смертных приговоров, столько казней...» Эти слова

Ясная Поляна. Могила Л. Н. Толстого.

легли в основу его знаменитого памфлета «Не могу молчать».

Переходя из комнаты в комнату, присматриваясь к вещам, которые слушали Толстому, узнаешь о его вкусах, привычках, привязанностях...

Короткая дорожка от дома-музея ведёт к Литературному музею. Одно время в этом здании располагалась школа, открытая Толстым для детей исполненных крестьян.

Оба здания стоят в живописном парке. Богатая природа Ясной Поляны и окрестностей не раз вдохновляла Льва Николаевича Толстого на создание замечательнейших по живописности и проникновенности картин. Так, например, в «Анне Карениной» Толстой описывает охоту Левина на вальдшнепов. пейзаж, который писатель здесь рисует, очень напоминает тот, который открывался его взору, когда он сам отправлялся на охоту в близлежащий лес за рекой Воронкой.

Ясная Поляна хранит живое дыхание жизни писателя. Она дорога для каждого советского человека место.

А. ШАПОВАЛОВА

ТОЛСТОЙ И ТУРГЕНЕВ

что с помощью проповеди можно прекратить эксплуатацию народа. Отсюда частые обращения писателя к царю, к помещикам с призывом отказаться от насилия, от частной собственности. Это, разумеется, ни к каким результатам не приводило, и Толстой много плакал, бичевал и обличал царскую власть, господствующие классы, не сознавая, что своим могучим словом он объективно вызывал в массах стремление к активному действию, а не к пассивной покорности.

В 40-е годы Толстой работал в разных жанрах. Он создавал повесть «Смерть Ивана Ильича», драму «Власть тьмы», комедию «Плоды просвещения», повесть «Крейцеров соната», народные рассказы и многое другое.

Плод десятилетия труда — гениальный общечеловеческий роман «Воскресение». Толстой заканчивает в 1899 году. Рисуя в нём страдания простой женщины из народа Катюши Масловой, ставшей жертвой социальной несправедливости, писатель страстно разоблачал весь государственный, правительственный, моральный уклад жизни буржуазно-помещичьего общества, показывает бесправие миллионов трудовых масс.

Писательская и общественная деятельность Толстого вызвала озлобление правых кругов общества.

Произведения писателя на всём протяжении его творческого пути подвергались цензурным искажениям, запрещались. За Толстым был установлен тайный надзор жандармерии, а в 1901 году он был отлучён от церкви.

На преследования Толстого передавал общественности всего мира откликаться резким неодобрением. Только это вынуждало царизм отказаться от мысли об аресте писателя.

В последние десятилетия своей жизни Толстой написал пьесу «Живой труп», рассказ «После бала», драму «Вот тебе, вот ты светишь», повесть «Хаджи Мурат» и многие публицистические произведения.

Толстого мучительно тяготил разлад между проповедуемым им учением и условиями, в которых он жил. Всё более нарастала, как и между ним и некоторыми членами семьи.

10 ноября 1910 года писатель покинул Ясную Поляну и направился на юг России. По дороге он заболел. 20 ноября 1910 года на станции Астахово, ныне «Лев Толстой», писатель умер. Похоронен он в Ясной Поляне, в лесу.

В день смерти и похорон Толстого произошли массовые политические забастовки рабочих крупнейших заводов страны и антиправительственные демонстрации в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и других городах.

В оскрощившей мировой литературу произведения Толстого занимают по праву одно из первых мест. Среди писателей второй половины XIX века Толстой выделялся бесподобным обличением всесословного произвола, мастерством художественного повествования, тонкостью психологического анализа, восхитительным образом своих героев, великодушным изображением пейзажа, чистотой и красотой языка и стилем. Произведения Толстого — изумительный слух правды жизни и мудрой простоты её художественного выражения.

«Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком», — утверждал Горький.

Отмечая 125-летие со дня рождения А. Н. Толстого, передовые люди всего мира чтут в его лице великого сына русского народа, гордость и славу русского и мирового искусства, гениального художника, творчество которого составило шаг вперёд в развитии всей человечества.

И. УСПЕНСКИЙ,
кандидат филологических наук.

Тургенев был на десять лет старше Толстого и на девять лет раньше его выступил на литературное поприще. «Записки охотника», печатавшиеся с 1847 года в некроском «Современнике», произвели на Толстого сильнейшее впечатление тем, что русского человека писатель показывал, «не глумясь и не для осуждения пейзажа», а «во всём есть, не только с любовью, но с уважением».

Когда «Записки охотника» вышли отдельным изданием, Толстой, находившийся на Кавказе, ещё раз перечитал их. Если раньше эта книга привлекала его глубиной содержания, то теперь он высоко оценил и художественное мастерство её автора. «Читал «Записки охотника» Тургенева, и как-то трудно писать после него», — отмечал Лев Николаевич в кавказском дневнике.

По поводу первой повести Толстого — «Летство», — появившейся в «Современнике» в 1852 году, Тургенев писал Некрасову: «Ты прав, это талант надежный... Писки к нему и пошук его писать. Скажи ему, если это может его заинтересовать, что я его приветствую, кланяюсь и рукоплещу ему».

Когда в 1854 году появилась в печати повесть Толстого «Отрочество», Тургенев, веря в большое будущее молодого писателя, утверждал в одном из писем: «Вот, наконец, предмет! Того писателя, на него не похожий, как он и следовало».

В то же время Лев Николаевич, находившийся сначала на Кавказе, а затем в осаждённом Севастополе, не переставал с тем же сочувствием относиться к творчеству Тургенева. Ему посвятил Толстой свой рассказ «Рубка леса».

После окончания Крымской войны Тургенев в письме убеждал Толстого выйти в отставку и всецело отдаться литературной деятельности.

В первый же день по приезде из Севастополя в Петербург Толстой поспешно познакомился с Тургеневым. После этого в течение ряда лет они часто виделись и в Петербурге, и в Ясной Поляне, и в Спасском-Лутовинове, и за границей.

Толстой высоко ценил художественную чуткость Тургенева и охотно делился с ним своими замыслами.

Тургенев рассказывал, что однажды они, прогуливаясь по выгону, увидели старую глыбу. «Хотите, я вам расскажу, что думает эта глыба?» — предложил Толстой и так увлечённо стал рассказывать о том, что думала и чувствовала старая глыба, что Тургенев невольно воскликнул: «Послушайте, Лев Николаевич, право, вы когда-нибудь были лозалью». Это был первый замысел рассказа «Хотите, я вам расскажу...».

Толстой старился поближе подружиться с Тургеневым, но глубокое различие их натуры мешало сближению. Не по душе Толстому было и умеренно-либеральное мироощущение Тургенева.

Всё это привело к тому, что их отношения в первые годы знакомства были очень неровными: они то сближались, то отдалялись друг от друга. И наконец в 1861 году в имении поэта А. А. Фета после разговора о благотворительности, в котором резко обнаружилось всё несожество их общественных взглядов, между Толстым и Тургеневым произошла крупная ссора, кончившаяся разрывом. Личные отношения и переписка между ними прервалась на семнадцать лет.

Но и в годы разрыва писатели продолжали глубоко интересоваться творчеством друг друга. Повесть «Казаки» привлекла Тургенева в вос-

торг. Приветствовал он и появление повести Толстого «Полтавщина». Тургенев писал: «Есть тут вещи, которые не умрут, пока будет существовать русская речь. В этом романе столько красот перелюбленных, такая жизненность, и правда, и свежест, что нельзя не сознаться, что это появление «Войны и мира» Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями».

Толстой, в свою очередь, внимательно следил за всеми выходящими в свет романами Тургенева и не раз подчёркивал, что в описании природы он не имеет себе равных в русской литературе.

В апреле 1878 года Толстой написал Тургеневу, предлагая забыть все бывшие между ними недоразумения. Тургенев с радостью согласился на предложение Толстого, и между ними возобновились близкие личные отношения и переписка.

Незадолго до смерти Тургенев прислал Толстому, тогда временно оставившему литературную деятельность, замечательное письмо. Невозможно без волнения читать эти вышедшие из пера больного русского человека мучительную боль, Тургенев писал с единственной целью — высказать Толстому свою предсмертную просьбу:

«Милый и дорогой Лев Николаевич. Дайте мне писать, ибо был и есть, говорю прямо, на смертном одре. Выздороветь я не могу... и думать об этом нечего. Пишу же я Вам, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад был Вашим современником... и чтобы выразить Вам мою последнюю, искреннюю просьбу. Друг мой, верните же литературу человечеству! Вель этот дар Вам отсюда же, откуда всё другое. Ах, как я был бы счастлив, если б мог подумать, что просьба моя так на Вас подействует!! Друг мой, великий писатель Русской земли... внимайте мне, проследите! Дайте мне знать, если Вы получите эту бумажку, и позвольте ещё раз крепко к, крепко обнять Вас, Вашу жену, Всех Ваших, не могу больше, устал».

У Ивана Сергеевича не хватило сил даже на то, чтобы подписать это письмо. Вскоре он скончался. Толстой не успел ответить.

Московское Общество любителей российской словесности собралось устроить публичное заседание, на котором Толстой должен был выступить с речью о Тургеневе. Начальник Главного управления по делам печати, уведомив об этом министра внутренних дел, писал: «Толстой — человек сумасшедший, от него следует всего ожидать; он может наговорить невероятные вещи... и скандал будет значительный».

По указанию министра московский генерал-губернатор вызвал председателя Общества и приказал ему «под благовидным предлогом» объявить заседание, посвящённое памяти Тургенева, «отложенным на неопределённое время».

Заседание не состоялось. Но то, что Толстой хотел сказать о Тургеневе, он высказал в письме к Пилину:

«И я всегда любил его; но после его смерти только оценил его, как следует... Главное в нём — это его правдивость... Тургенев прекрасный человек, который коротко и прямо всегда то самое, то, что он думает и чувствует... И потому воздействие Тургенева на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. Он жил, искал и в произведениях своих высказывал то, что он нашёл — всё, что он наблюдал. Он не только талант (умнее хорошо изображать) на то, чтобы скрывать свою душу, как это делали и делают, а на то, чтобы всю её выворотить наружу».

Такой итог подвёл Толстой творчеству замечательного русского писателя, к которому связывала его долгая жизнь дружба.

Профессор Н. ГУСЕВ

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

7 октября 1880 года в мастерскую Илья Ефимовича Репина в Большом Трубеином переулке вошёл необычный посетитель.

«...В моей маленькой мастерской под вечер всё вдруг приняло какой-то заревой тон и задрожало в особом приподнятом настроении, когда вошёл ко мне коренастый господин с окладистой серой бородой, большоголовый, одетый в длинный чёрный сюртук.

Лев Толстой. Неужели? Так вот он какой!

Я хорошо знал только его портрет работы И. Н. Крамского и представлял себе до сих пор, что Лев Толстой очень своеобразный барин, траф, высокого роста, брит и не такой большоголовый...» — вспоминал Репин об этой встрече.

В тот вечер они беседовали до поздней.

Прощаясь, Толстой предложил Репину в свободное время по окончании работы заходить к нему, чтобы вместе совершать вечерние прогулки.

Эти прогулки продолжались почти ежедневно вплоть до возвращения Толстого в Ясную Поляну. По бесконечным московским бульварам они заходили часто очень далеко и возвращались назад на конке и непременно «на императоре», как любил Толстой.

Первое знакомство положило начало большой дружбе между великими людьми. Их объединяла горячая любовь к Родине, к русскому народу, противоречивые, но

страстные поиски путей для облегчения его страданий.

Вторая встреча произошла в 1887 году, через семь лет, в течение которых Репин и Толстой регулярно переписывались. Гости в Ясной Поляне, Репин сделал, кроме ряда набросков к картине «Толстой на пашне», законченной лозже, два портрета писателя и в том числе знаменитый портрет Толстого в тёмной блузе, помеченный «1887, 13—15 августа, Ясная Поляна».

Толстого писали многие художники, но первенство как по количеству произведений, так и по их значительности принадлежит Репину. Он был также одним из первых иллюстраторов произведений Толстого.

Во время следующего посещения Ясной Поляны, в июне—июле 1891 года, Репин, помимо многочисленных набросков и рисунков, два из которых приводятся на этой странице, сделал ещё три портрета Толстого маслом: Толстой, лежащий под деревом с книгой, Толстой в асповольском кабинете и небольшой этюд, на котором вновь запечатлел писателя на пашне.

Работая над этим этюдом, художник в течение шести часов наблюдал за Толстым, пахавшим поле одной крестьянки-вдовы.

Впоследствии Толстой и Репин виделись не раз. Но эти первые встречи произвели на обоих особенно яркое впечатление, врезались в память на всю жизнь.

Б. ЮРИН

Л. Н. Толстой.

Рисунки И. Е. Репина.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Л. Н. ТОЛСТОГО

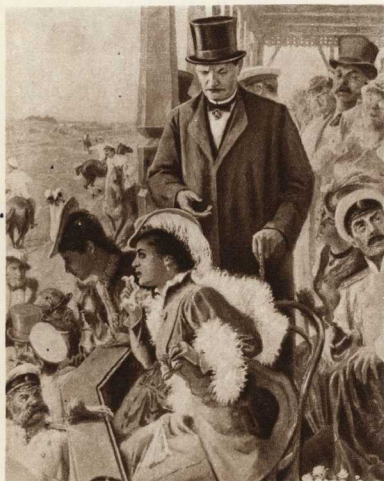
«Война и мир». Партизанский отряд.

Рисунок В. Серова.

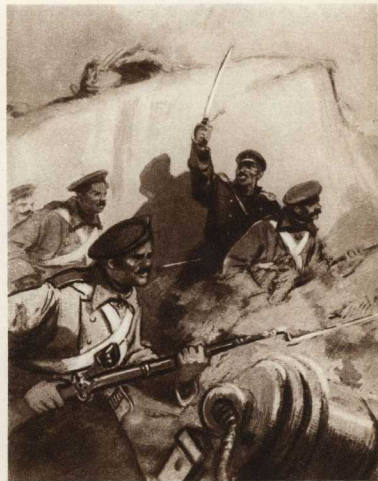
«Война и мир». Давыдов излагает Кутузову план партизанской войны.

Рисунок В. Серова.

«Анна Каренина». Сичани.

Рисунок А. Самохвалова.

«Севастопольские рассказы». Атака.

Рисунок А. Кокорина.

ТРУДЕНИЯ

Великое творческое наследие Льва Николаевича Толстого, давшего, — по определению В. И. Ленина, — первоклассные произведения мировой литературы.

Как работал писатель? Каковы методы и содержание его труда?

На эти вопросы отвечают собственные высказывания Толстого о своей работе и оставшиеся после него рукописи.

С самого начала литературной деятельности и до конца дней своих Толстой предъявлял к себе определённые требования как эстетического порядка, как и касающиеся самой техники писательского труда.

В 1853 году, составляя для себя «литературные правила», он записывает, что всегда «предмет сочинения должен быть высоким». 28 октября 1870 года Толстой отмечает в записной книжке:

«Поэзия есть огонь, загорающийся в душе человека. Огонь этот жжёт, греет и освещает... Но настоящий поэт сам невольник и с страданиями горит и жжёт других. И в этом всё дело. В мае 1869 года, раздумывая о признаках истинного искусства, писатель кратко формулирует в дневнике свои мысли: «Признаки истинного искусства вообще — новое, ясное и искреннее».

В период работы над романом «Война и мир» Толстой пишет в одном письме: «Идеи художника... в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех её проявлениях...»

Но не только о содержании, о «предмете» искусства размышлял Толстой. С самого начала писательского пути он постоянно говорит о значении формы художественного произведения: о языке, стиле, композиции и о самой технике писательской работы; он требует от писателя-художника постоянного и напряжённого труда.

Будучи ещё начинающим писателем, Толстой пишет в дневнике о необходимости постоянно «формировать слог: 1) в разговоре, 2) в письме», в качестве управления рекомендует «переводить что-нибудь с иностранного языка на русский для развития памяти и слогов».

Через год Толстой записывает: «Нужно безжалостно уничтожить все места неясные, растоптанные, неуместные... хотя бы они были хороши сами по себе».

Лев Николаевич постоянно повторял это правило и в своей работе всегда следовал ему. Он говорил, что для писателя «одно законное счастье есть честный труд и преодоление препятствия».

Работая над «Азбукой и русскими книгами для чтения», Толстой указывал в письмах того периода: «Работа над языком ужасна — надо что всё было красиво, коротко, просто и талантливо — ясно». Он считает, что основное достоинство его труда должно заключаться «в простоте и ясности рисунка и штриха, т. е. языка».

В письме к Фету Толстой признавался: «Вы не можете себе представить, как мне трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором принуждён сеять. Обдумать и переделать всё, что может случиться со всеми будущими людьми простодушного сочинения, очень большого, и обдумать миллионы возможных сочетаний для того, чтобы

выбрать из них 1.000.000, ужасно трудно. И этим я занят».

Внимательный к себе, художник никогда не удовлетворялся первоначальными вариантами.

Одно и то же место или всё сочинение неоднократно исправлялось, переписывалось и вновь исправлялось.

Напряжённая творческая работа продолжалась в корректурах и часто в уже напечатанных частях произведения. Так было с «Войной и миром», «Анной Карениной», «Воскресением» и многими другими произведениями.

Полностью безжалостно отбрасывал он к ранее написанному, вычеркивал иногда не только

целые абзацы, но и целые главы и художественно законченные эпизоды. Интересно в этом отношении собственное признание Толстого:

«У меня в романе «Воскресение». — Ред.) была сцена, где уголовная преступница встречается в тюрьме с политическими. Их разговор имел важное послевостие для романа. От знакомого человека узнал, что встреча в московской тюрьме произойти не могло. Я переделал все эти главы, потому что не могу писать, не имея под собой почвы».

Основной текст романа «Война и мир», создававшийся шесть лет (1863—1869 годы), имеет 94 печатных листа, а черновые варианты составляют более чем 124 печатных листа. Прием следует учесть, что не все черновики романа сохранились.

Почти всегда в процессе работы Толстой углублял и расширял первоначальный замысел, зачастую придавая ему новое идейное направление. Так, например, задуманный семейно-исторический роман периода 1805—1812 годов в процессе написания «Войны и мира» разросся в широчайшее полотно русского национального эпоса.

Точно такой же процесс постепенного углубления и пересмысления первоначального замысла названо и в романе «Анна Каренина». Намереваясь сначала написать роман из светской жизни, Толстой создал глубокое социально-психологическое произведение, дал развёрнутую картину жизни после реформенной России. Над «Анной Карениной» Толстой работал четыре года. Черновые варианты и отдельные редакции романа составляют более 36 печатных листов.

Третий крупнейший роман Толстого, «Воскресение», создавался с большими перерывами 10 лет (1889—1899 годы). Вначале Толстой работал над повестью, в основу которой был положен случай, рассказанный писателю юри-

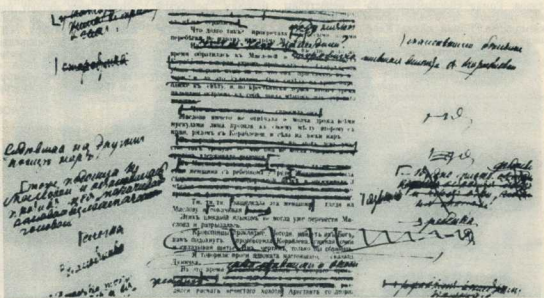
Страница рукописи «Войны и мира». Государственный Толстовский музей в Москве.

стом Коню. Но постепенно повесть превратилась в большое социально-политическое произведение, «до корня» разоблачавшее всю фальшь государственного строя царской России. Имеется шесть отдельных редакций всего романа, весьма отличающихся друг от друга по объёму и идейной направленности.

Последнее крупное произведение Толстого, «Хаджи Мурат», имеет шесть редакций.

Говоря о творческой работе Толстого, беспощадно требовательного к себе великого труженика, нельзя вспомнить слова, сказанные о нём А. М. Горьким: «60 лет звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и всё; он рассказывал нам о русской жизни почти столько же, как и вся остальная наша литература... И книги его останутся в веках, как памятник упорного труда, сделанного гением».

Н. РОДИОНОВ

Корректур «Воскресения» (часть первая, глава XXXI). Государственный Толстовский музей в Москве.

Из воспоминаний Горького о Толстом

«Видел я его однажды так, как может быть, никто не видел: шёл к нему в Гаспри берегом моря и под именем Юсупова, на камён берегу, среди камней, заметая его маленькую, угловатую фигуру, в сером, помятом тряпье и скожанной шляпе. Сидит, подперев скулы руками, — между пальцев веток серебристые волосы борозды — и смотрит вдаль, в море, а когда его послушно подкалываются, настает зеленоватые волнилки, как бы рассказывая нечто о себе старому вдову. День был пёстрый, по камням ползали тени облаков, и вместе с камнями старик то светел, то теньки. Камни — огромные, в трещинах, и оклада пухлыми водорослями, — накинута был сильный прибой. И он тоже показался мне древним, ожившим камнем, который знает все начала и цели, думает о том — когда и каков будет конец камней и трав земных, воды морской и человека и всего мира, от камня до солнца. А море — часть его души, и всё вокруг — от него, из него. В задумчивой неподвижности старика почудилось нечто вечное, чародейское, углублённое во тьму под ним, пылающее ушедшее вершиной в голубую пустоту над ним, как будто это он — его сосредоточенная воля — призывает и отталкивает волны, управляет движением облаков и тенями, которые словно шевелят камни, будят их. И вдруг в каком-то мигуном бездумно я почувствовал, что — возможно! — встанет он, взымнёт рукой, и море зызнется, оскелеет, а камни пошевелят и закричат, и всё вокруг оживёт, зашевелит, заговорит на разные голоса о себе, о нём, против него».

(М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. Гослитиздат. Москва, 1991. Том XIV. Стр. 284—285).

Л. Н. Толстой и А. М. Горький.
Лесная Поляна. 1900 год.

НАСЛЕДИЕ ТОЛСТОГО В СССР

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют огромную заботу об издании и пропаганде художественного наследия Л. Н. Толстого. Если на протяжении 30 лет до Великой Октябрьской социалистической революции было издано в России всего 10 миллионов экземпляров произведений писателя на десяти языках, то за годы Советской власти — на 1 июля 1953 года — произведения Толстого изданы в СССР в количестве 53 965 тысяч экземпляров на 75 языках. Один лишь роман «Война и мир» издан тиражом около 3 миллионов экземпляров. Роман «Воскресение» издан тиражом в 1 543 тысячи экземпляров. Роман «Анна Каренина» вышел тиражом около 2 миллионов экземпляров. Повести о казачьей жизни — тиражом в 2 211 тысяч экземпляров и т. д.

По решению Советского правительства издается 90-томное собрание сочинений Толстого, в ко-

торое входят все художественные творения писателя с их предельными вариантами и редакциями, теоретические и публицистические произведения, дневники, письма, записные книжки, а также общепринятые комментарии к ним. Одновременно к 125-летию юбилею писателя завершается издание массового, пятого по счёту за годы Советской власти собрания художественных произведений Толстого. Огромными тиражами выходят и отдельные художественные произведения писателя.

В дореволюционной России произведения Толстого были почти недоступны народам нерусской национальности. За годы Советской власти все народы СССР получили возможность читать произведения Толстого на родном для них языке. Сейчас роман «Война и мир», например, читают на родном языке армяне и азербайджанцы, украинцы, узбеки, киргизы, молдаване, латыши, грузины, эстон-

цы. Роман «Анна Каренина» переведён на украинский, азербайджанский, армянский, литовский, латышский и другие языки, в том числе и на язык якутского народа, ранее не имевшего письменности. Столь же широко издаётся и роман «Воскресение», который переведён на азербайджанский, армянский, белорусский, грузинский, литовский, татарский, узбекский, украинский, молдавский и другие языки народов нашей страны.

Необычайно широкое распространение получили произведения Толстого, написанные для детей. В самых дальних уголках нашей страны дети читают рассказы и сказки Толстого на своём родном языке. К примеру, «Кавказский пленник», «Три медведя» переведены на 30—40 языков народов СССР, в том числе и на языки тех народностей, которые лишь при Советской власти обрели письменность.

А. КОРАБЛЕВ

ИСПЫТАННЫЙ ДРУГ

Десять лет прошло со дня смерти Юлиуса Фучика. Воспоминания горючие страницы его жизни, выдуманные и о жизни, выдуманные он, испытанный друг Советского Союза, отнёсся к культурному наследию прошлого нашей страны, и успехам советской культуры.

В юности Фучик, писатель, который он особенно дорожил и просил сохранить узкую связь с товарищем, что при конфискации его имущества гестаповцами будет присутствовать своей жалостью, мы читаем:

«И вижу счастье только в высшем совершенстве. Но может ли кто-нибудь достигнуть такого ступеней? Наверняка никогда не смогу. Тогда по крайней мере я стремлюсь к совершенству искусства. Разделяю взгляды Л. Толстого: «Только в труде — счастье настоящего счастья».

Толстому, Пушкину, Лермонтову, Бальзаксу, Гоголю, Тургеневу, А. Толстому, Достоевскому, Короленко, Блоку, Горькому посвящено много страниц дневника. О Горьком мы написали две статьи в 1936 году».

Уже в ранних своих критических статьях, появившихся в двадцатые годы, Фучик противопоставляет передовое советское искусство буржуазному западному искусству и говорит, что «Москва стала признанным центром современного искусства, образительного и театрального, в гораздо большей степени, чем Париж».

С восторгом пишет Фучик в статье «Капитализм перед русской революцией» (1924 год), что во Франции организуются общества советской литературы, в Германии появляются первый советский фильм, в Чехословакии основываются две библиотеки послевоенной русской литературы.

Известно, что Фучик принимал активное участие в организации вечера Малюкова в Праге, где поэт в 1927 году.

В статье «Капитализм перед русской революцией» Фучик делает вывод:

«Буржуазная культура капитализма перед советской. Капитализм перед советской культурой, разбухшей революцией, как капитализм перед фантомом существования СССР».

Юлиус Фучик защищал передовую советскую культуру от нападок всех врагов Октябрьской революции, для которых она знаменала «момент русской культуры».

В 1928 году Фучик предпринимает издание ленинских статей о Толстом, предисловием к своей предисловие «Ленин — литературный работник».

«Сколько неуверенных шагов, сколько головомёлок поворотом толстого, сколько «мистических» пояснений читали мы о Толстом! И в этой работе продавали уже исторический литературный труд Толстого в единстве... Ленин в своих критических статьях о Толстом — наш единственный оплот. Он увидел Толстого не как бездумно пошлую массу, а как человека, глубоко связанного с общественным развитием».

Наложив основные положения ленинских статей, Фучик делает вывод, что они «дают ключ ко всему Толстому и толстовщине». Юлиус Фучик не только пропагандировал статьи Ленина. Несомненно, под влиянием ленинского положения о том, что если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях. Юлиус Фучик, пламенный патриот своей родины, стремился применить на стороне рабочего класса мастеров чехословацкой культуры, ценя настоящие писательские таланты, веря в то, что отравленная ими правда жизни приведёт их в лагерь пролетариата.

Н. СЕРГЕЕВА

Рисунки Г. Филипповского.

Юлиус ФУЧИК

О МАЛЕНЬКОЙ РЕЗЕНКЕ И БРАВОМ СБОРЩИКЕ НАЛОГОВ

Рассказ

Рассказ «О маленькой Резенке и braveм сборщике налогов» написан Фучиком в декабре 1932 года, во время его пребывания на военной службе. В переводе на русский язык рассказ публикуется впервые.

Вот уже несколько дней, как наш батальон был на учении, но дело не клеилось. Мы двинулись вдоль реки, против течения, а командир в это время ждал нас на другом берегу: для переправы нужен был лёд, но река как назло неслась так, словно до Рождества ещё оставалось добрых два года.

Неудли сказать, чтобы нам было холодно. Но от воды поднималась такой густой туман, что, казалось, у каждой твоей косточки насморк. Ведь вы знаете: господь бог мудр и милосерден к людям. Он прекрасно понимает, что мы давно уже нечем топить, и если бы он послаа на земаз мороз, тут бы замёрз один, там — другой, и потом не обёрешься причитаний и разговоров...

Так шёл мы, пока не увидели жёлтых и голубых домиков какой-то деревни. Казалось, что она намерла. Никто нас не приветствовал, никто на нас не заглядывался. Видимо, миновали те времена, когда девчата любили перекинуться шуточкой с новобранцем, и воспоминания об этом остались только в старых песнях. А теперь ни один пострелёнок не выглянул посмотреть на нас.

Мы расположились на площади — как раз напротив трактира. Приятное совпадение, скажу я вам. И не потому, что зови геллеров в кармаше согрела мне надежд пропустить стаканчик — другой горячительного, а просто потому, что в трактирах бываешь хорошо накормлен. Понятно, что туда-то мы и направлялись. Но приятного нас ожидало мало. Трактир оказался заколоченным. Стучи не стучи — ответа никакого. Да и стоит ли стараться, если и снаружи чувствуешь, какой там внутри холод да сырость.

Но призва есть призва, и не торчать же нам на площади. Возле трактира мы заметили лавчонку. На дверях написано: «В кредит не отпускается».

Мы двинулись туда, прекрасно понимая, что эта надпись нас, солдат, касаться не может. Ведь в долг нам и так никто не даёт. Мы сами кредиторы и напрасно ждём оплаты за нашу лавчонку работу и за холод, который приходится нам терпеть. Мы платим наличными, и их вполне хватит на кусок хлеба да, пожалуй, ещё и на сапо.

Когда мы открыли входную дверь, в лавке забрежала звонка. У наших ме-

лочных торговцев есть, вероятно, своя особая фабрика по производству дверных звонков. Если бы я была сапогой и услышала подобное артефакции, я бы сразу поняла, что находится в мелочной лавке и, как это дела ещё мой отец или бабушка, попросила бы на крейцер леденцов. Но этот колокольчик звучал только в половину своей силы, словно у него кто-то украл кусочек сердца и теперь он не мог достойно представлять свои владения. Может, это было и не сердце, но чего-то в нём явно не хватало.

— Мамаша! — кричу я. — Мы пришли за сапо.

Я не видел её в темноте, но знаю, что она где-то там, за прилавком, сидя, сутулится при виде покупателя. Без мамашки не обойдётся ни одна мелочная лавочка. Была она и здесь, только ещё более

содая, с земистым апном. И она не застеснялась, а спокойно сказала:

— За сапо? У нас его нет.

— Ну, так дайте нам колбасы, мамаша, — говорю я примирительно.

— Колбасы? У нас её нет.

— Ну, мать, — говорю, — у нас не великий выбор. Этак мы себе многого не закажем. Придётся довольствоваться хлебом. Поубуханки на стол — и с нас довольно.

— Хлеба? — спрашивает она, отступая в темноту. — Хлеба у нас нет.

Я любитель пошутить и никогда не мешая этого делать другим, но в животе бурлит, и через минуту и выпаливаю:

— Эй, мать, мы спешим! Маршировать на голодный желудок — скверная штука. Может, нам самим отправиться на кухню?

— Идите, — говорит она и открывает дверь. — Идите, там ничего нет.

«Чорт-с дна, нет...» — думаю я и направляюсь к двери. Но путь мне заслоняет рослый мужчина.

— Мы хотим хлеба, — объясняю я ему. — В кредит не отпускаем, — произносит тот, словно параграф закона.

— Нам в долг не нужно, у нас есть деньги.

— А у нас нет.
— Ну, вот мы вам их и дадим.
— За что?
— Найдётся за что, странный вы торговец... За...
За что? Я оглядываю лавку и уже понимаю, почему колокольчик у входа звонил так приглушённо. Глаза прищурены к темноте, и я вижу, что лавчонка пуста, хоть шаром покати.

— Мать! — удивляюсь я. — Как же это так?

Седая женщина молчит, и за ней отечает мужчина. Кажется, он поёт канкану то грохочу песню или проклинает. Он говорит о деревне, в которой уже год как нет никакой работы, о лесах, в которых уже два года как не упало ни одно дерево, о дровосеках, которым он вывёл на бирках с посланием долгом надгробную надпись, о закрытом кредите в банке, о налогах, о конфискации, о конце света. И у него ещё что-то хотят купить, и ему ещё за что-то хотят уплатить деньги!

Как сумасшедший, он с трюхом выдвигает ящики, пугающие своей пустотой, обшаривает пакеты. Найденное он швыряет на прилавок. Две дюжины свечей, пакетики щикорки, брусок и кнут. Это всё. Ему под руку попадаете доска с записками, прищипанная о несостоятельности его должников, о его утраченных надеждах, и он кладёт на неё, тщательно стирая кулачком то, что записывал мёлом в течение многих лет. Нам вдруг кажется, что мы снова там, на улице, в тумане, поднимающемся от реки. Мы чихаем и кашляем.

А хозяин подаёт доску ногой, и на оборотной стороне её мы читаем: «Торговая смешанным товаром».

Две дюжины свечей, пакетики щикорки, брусок и кнут...

Мне становится жутко, я прячу глубже в карман зажатую в руке кнутик и отступаю к дверям.

И вот в этот-то момент, когда всем нам стало не по себе, вошла Резенка. Мне показалось, что она пришла защитить нас от тоски, безумия, страха, от холодного тумана этого, эта маленькая Резенка с мокрым носом, закутанная в мамин платок и весёлая, как весенний безоблачный день в лесу.

— А меня мы с собой возьмёте? — спрашивает она и таранит на нас глазами.

Когда девочке восемнадцать и она тебе верит, приходишь зажмурить глаза, прежде чем наберёшься смелости сказать «нет». Но когда ей восемь и она обращается к тебе с такой наивной доверчивостью, как низко ни наваливай на лоб фуражку, как тщательно ни заткаешь себе уши, от её вопроса не денешься никогда. Резенке было восемь.

— Возьмём, — отвечаю я, — разумеется, возьмём. А куда тебе хочется?

— В город.

— Ну, в город, так в город. А что ты собираешься там делать?

— Покупать... — говорит она, и нам становится весело и тепло в этой пустой лавке.

— Смотрите, какой нынче пошёл покупатель!

Даже отец Резенки, лавочник, смеётся вместе с нами, а седая мамаша вытирает глаза платком.

Резенка идёт за покупками. У Резенки есть деньги. Резенка счастлива, как может быть счастлив только ребёнок: но она уже достаточно большая, чтобы знать, что сейчас несёе приходится плохо. Уже с весны у неё мечта: она будет зарабатывать, а под Рождество устроит в опустевшей лавке праздник. Да, уже с весны она мечтает об этом. Ведь и детям белых перчаток уже никак не исхода щипать. Там в кармашке конфет. Вот и Резенке случилось получить от старших пару монеток. В таких случаях она без сожаления проходила мимо прыжков и лелеющих и направлялась к куртинке, в котором давно уже никто не искал счастья. Там в кармашке из-под крема её сейф.

— Ты копилась с весны, Резенка? Да у тебя, должно быть, много денег!

Секунду она смотрит на нас подозрительно. Но у неё столько весёлого добродушия в глазах, что она решает, с этими солдатами можно иметь дело. И вот Резенка уже снова нам доверяет. Она решительно поднимает левую руку. В кулачке зажат тщательно завернутый в носовую платок калы. Она развязывает узелки, ещё раз откладывает на нас не проливающимся нам жадных рук к её богатству — и начинает отсчитывать и раскладывать в ряд монеты. Двадцать, тридцать, шестьдесят геллеров, крона, две, три, восемь. Восемь крон тридцать геллеров.

— Да у тебя целое состояние! На что оно тебе, Резенка?

На орехи, на сахар, на носки отцу — перечисл значительное длинное, чем рядок двадцатигеллеровых монет.

Монеты путешествуют по прилавку и собираются в кучки. Эта кучка — носки. Эта — сахар. Эти монеты звенят, сталкиваются друг с другом, и к их звону присоединяется колокольчик над входной дверью.

В лавку входит новый посетитель — господин в потрёпанном пальто.

Это наш старый знакомый. Словно верный пёс, он ходит за нами по пятам от деревни к деревне, надеясь в случае чего на нашу защиту. Он очень нас любит, этот прибулдывший господин: ведь мы, шестьдесят здоровых мужчин, играем в солдатики и у нас есть даже винтовки со штыками. А когда мы распадаемся лагерем на деревенской площади, он начинает ходить от дома к дому. Местные жители хорошо знают этого доброго господина. Это оборзник налогов. Говорят, что у него голубые глаза, но, сказать по правде, ни одного никуда не видно.

Когда он вошёл в лавку, мы сразу развеселились. Вот будет потеха! Что ему, интересно, уластят здесь конфисковать? Может быть, он отыщет для нас хлеба с сахаром? Или нет, заберёт с собой эти свечки? Или кнут? Мы готовы посягнуть, сто против одного на кнут. Ведь что толку от свечи, которая сгорит, и потом на ней даже конфискационной наклейки не найдёшь?

Оборзник налогов обводит лавку грустными глазами.

— Значит, ничего нет?

— Ничего.

Оборзник небрежно берёт кнут — смотри-те, мы всё-таки выиграли! — размахивается и звонко щёлкает. Потом так же небрежно складывает его обратно на прилавок. Резенка уже охмыляется, и кнут его не интересует! Но что же он тогда конфискует? Ведь не заберёт же ему с собой доску с надписью о торговле смешанным товаром! Это было бы уж слишком смешно.

— Ничего, ну, так мы пойдём.

Резенка стоит в углу и сжимает в кулачке узелок со своим каадам.

— Так мы пойдём. А куда это ты, Резенка, собралась такая разряженная?

— В город, господи чиновник. За покупками.

Добрый оборзник налогов говорит медленнее и ласково:

— Вот, значит, как! За покупками. А где же это продал ты денег? Скажи мне скорее, и я твоя пойду.

Резенка оскорблена. Без сомнения! Кто это говорит, что у неё нет денег?... Она снова развязывает узелок, и о прилавок звенят монеты. Нам Резенка уже доверяет, а этот господин, он ведь тоже пришла с нами. Добрый оборзник налогов прислушивается к звону монет и рассказывает Резенке о том, как она их копила: от кого получала за сбор черешен, кто ей дал на прыжок. Будет в самом деле рай, оборзник послал бы туда всех этих людей прямо до смертного оврага. Он гладит Резенку по головке: она хорошая девочка, пусть всегда будет такой. Потом вынимает из кармана тетрадь, пишет в ней что-то, пересчитывает монетки и снова пишет. Наконец вынимает из тетради лист и подаёт его лавчонку.

И прикинув это в счёт вшей прошлой недели задолженности, говорит оборзник, — останется ещё сто шестьдесят восемь крон, если не считать служебного сбора, но его вам наверняка снизят. Прощайте... И направляется к двери.

Но дорожки он сжимает из прилавка деньги Резенки и засовывает их в карман.

Я смотрю, смотрю, и голова у меня идёт кругом. Он этого не делает, он вернётся, он, конечно, шутит. Этот добрый человек! Колокольчик над входом зазвенел. Оли раз. Другого звонка не слышно. Значит, оборзник остановился между дверями. Вот он повернулся, возвращается. Ведь мы же знали, что он шутит!

Теперь он засунул руку в карман — засовывает, вытаскивает, вынимает, отдаст их Резенке — отдаёт. Он отдаёт ей одну монетку и говорит:

— Будь хорошей девочкой, Резенка, всегда помогай родителям.

И когда он закончил, дверь, колокольчик зазвенел снова. Он звучал грозно, звучал в сердце каждого из нас, был тревогой, и вся деревня слышала его. А на площади наши ребята разбирали оружие и готовились к маршу.

Когда мы двинулись в путь, туман по-прежнему поднимался от реки, но оборзник налогов — нашего верного пса — мы за своей спиной уже не видели.

— А что же с Резенкой?

— Вы понимаете сами: она пакала.

Автор этого рассказа ничего не выдумал и туман, и две дюжины свечей, и Резенка, и добрый оборзник налогов — всё это было в действительности, и всё это он видел собственными глазами. Не может он выдумать и счастливого конца для своего рассказа. Вот почему у этого рассказа нет конца.

Пока ещё нет конца.

Перевёл с чешского
Олег МАЛЕВИЧ.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

● Борис Бедный — «Большой поток». Эта книга, вышедшая в издательстве «Советский писатель», включает в себя одноимённую повесть и восемь рассказов молодого прозаика.

В рассказах Б. Бедного «В славную ноноте», «Июльдирижабль» и других описаны простые советские люди. В обычных, будничных делах писатель раскрывает их характеры, показывает их отношения, чувства.

Повесть «Большой поток» посвящена жизни крупного северного леспрохоза.

● О счастье якутского народа, о грандиозных переменах, происшедших в Сибирии за годы советской власти, говорит якутский поэт Эвэй в книге «Избранное», изданной Государственным издательством художественной литературы.

В своих произведениях поэт широко использует якутское народное творчество.

● Детям выпустил книгу Лява Кассидя «Далеко в море», повествующую о советском военном корабле в дальнем плавании. Книга содержит двадцать небольших самостоятельных рассказов, вместе составляющих увлекательную повесть.

Каждый рассказ посвящён определённой морской специальности — штурману, ночному, радисту и т. д. Читатель узнаёт много интересного о жизни и доблестном труде наших моряков.

● «Морские звёзды» — так назвал молодого поэт Иван Шапов первую книгу своих стихов, вышедшую в Воениздат.

В книге поэта — теоретическая биография Ивана Шамова, бывшего летчика-испытателя, командира Великой Отечественной войны. Самолёт лейтенанта Шамова потерпел аварию. Врачам удалось отстоять жизнь пилота, но у него возникла опасность, что он окажется бессильным. Призыванный к постели, Иван Шапов нашёл своё новое призвание в поэтическом творчестве. Впервые в жизни он пробует писать стихи, находясь в госпитале. Вскоре его творчество появляется в газетах, журналах.

Основная тема Ивана Шамова — жизнь, поэзия, боевая учёба советских воинов, охраняющих великую созидательную труд советского народа.

● В книге В. Гусельнова и М. Лободина «Шлаги Суворова», выпущенной Детгизом, собраны рассказы сотрудников Военно-исторического музея о том, как размышляли великие русские воины о славе — вещи великой и сложной. Александр Суворов.

Все рассказы объединены мыслью о любви советских людей к героическому прошлому своей Родины.

● Ознакомить молодых читателей с морскими пространствами нашей страны — такова цель научно-популярной книги доктора геологических наук Д. Карелина «Моря нашей Родины», выпущенной Детгизом.

В доходчивой и увлекательной форме автор рассказывает о природе наших морей, об их народнохозяйственном значении, об истории их исследований.

● В книге М. Каплиц «Молодёжь великого Китая», выпущенной издательством «Молодая гвардия», собраны очерки и путевые заметки, рассказывающие о жизни, труде и учёбе китайских юношей и девушек.

В начале книги автор повествует о молодых китайских патриотах, самоотверженно борющихся в годы народноосвободительной войны за освобождение своей родины от господства иностранных империалистов и го-родских капиталистов.

Многие китайская молодёжь принимает активное участие в восстановлении и развитии народного хозяйства своей страны. Читатель рассказывает о передовых рабочих, новаторах производства, которые, перенимая опыт передовиков из товарищеской страны, добиваются больших успехов в работе.

Читатель узнаёт о шахтёрах Чань Юй-хуа и Чжао Вен-синге, добившихся рекордной добычи угля, о молодом рабочем Мундундэ-го механического завода Чжао Го-го, удостоенного высокого звания Героя Труда, об инициаторе внедрения метода нумератора Ковы на текстильных предприятиях Китая — молодой работнице Ха Цзянь-сю — и о многих других.

Автор описывает также проведение демократической аграрной реформы, в результате которой крестьяне получили землю и навсегда избавились от феодально-помещичьего гнёта. В китайской деревне внедряются новые методы ведения сельского хозяйства, повышается жизненный уровень населения.

Велика среди китайской молодёжи тяга к просвещению и к культуре. Автор показывает, какие широкие возможности получили теперь девушки и юноши Китая для расширения своего развития своих способностей. Некоторые очерки посвящены китайским народам, проживающим в Корее.

Молодёжь Китая, объединённая в Ново-демократический союз молодёжи, Федерацию демократической молодёжи и Федерацию студентов, принимает активное участие в борьбе за счастье своего народа, в борьбе за мир во всем мире.

С ФИЛОСОФСКИМ

Спокойствие

Казалось, вчера лишь корни из соски,
Дарилм зайчат и цыплят канаду...

Ребёнок подрос.

Факультет философский
Заночник «ребёнок» в минувшем году.
Заночничим вузы дороги открыты:

Кто в школу, кто в клинику,
кто на завод...

С дипломом в маршале учёная Рита
Всё так же спокойно у мамы идёт.

Решаясь ли сразу, раздумьем томись ли, —

Путёнка оформлена: штампы и печать.

Но легче за чашем логически мыслить,
Чем логиче в школе других обучать!

Вопрос разрешён. Остальное — детали.

Уверенно влязшись, не тратя ни дня,
В различных инстанциях дружно падали

С чудовищной силой намала родня.

Бываю вопросы суровой дпопра,
Но Рита-философ, встречая друзей,

Легко отражала любые вопросы
С убойственной логикой, свойственной ей.

— По-вашему, я захирела морально,
Уйдя в шорлулу четырёх своих стейн?

Абсурд! Для мыслителя это нормально,
Ведь прожил же в бочке всю жизнь Дюгени!

— Что? Средства, которые тратились с детства?

Степняцкий! Прочла там канитель?

Пускай финансисты толкуют о средствах,
Меня занимают не средства, а цели!

И вот с философским спокойствием Рита

Досуд коротает в кондешных и родие,
К портинке, где что-то ещё недолито,
К заваму, где что-то ещё надобито,
В покупке изданий поэтов маститых,
Портретов певцов (теноров знаменитых),
Пластинком

Но в прочей такой боготие,
Во если угодно, то даме в покупках,
В дебатах

— едят ли пловбир с калачом...
В больших начинаниях и малых поступках

Её эрудиция была юношом,
С портинкой надёр разговор об отрезе:

— Как шить: с рукавами или без рукавов?

Задумалась Рита: — Мне жсен ваш тезис —

Оборюи и гестам...

На нушке остати беда проишли,
«Философ» роишет:

— В порядке вещей, Генезис бромная

— логически мысля —
Не мог не испортить субстанцию щей!

В процессе учёбы бываю потерю,
Их мало, конечно, но всё ещё есть

Субъекты, что кандуют высонких материй,
Иней в виду крест-гити или ширеть.

Вся их «философия», как на ладони:
Не в гору шгаты, где подьём намеинст,

А ехать с удобствами в спальном вагоне,
Пока не объявят:

— Слезай, Коммунизм!

И Рита-философ и спутник Риты
Пустились в заманчивый путь налегке...

Одежды с иголочкой, веселья, сшты,
Им канешна: все семафоры открыты,

А глянут в окно — их вагои в тулпие.

И. ЗЮЛТАРЕВСКИЙ

г. Киев.

Спортсмены П. Колчин и Г. Суворов готовятся к выходу на тренировку.

Зимой и летом

Когда Геннадий Чертицев, направляясь на вокзал, шел по улицам Свердловска с лыжами и рюкзаком, похожие поглядывали на него с удивлением. Нагретый солнцем асфальт был мягок и податливо вдавливался под ногами. Вниманию окружающих, их улыбки смущали Геннадия. И только уже в вагоне, глядя на уходящие назад пригороды, он вспомнил Геннадий свой последний разговор с Дмитрием Ростовичем, тренером.

— Сейчас для тебя основное — круглогодичная тренировка. Летом, как возьмешь отпуск, поезжай в горы. Там снегу довольно, — говорил тренер.

И вот Геннадий едет на Кавказ. В Москве, где надо было делать пересадку, он встретил лыжников с Крайнего Севера, из Горького, Ленинграда. Среди них были рабочие, студенты, научные работники. В компании время шло незаметно. А вскоре на горизонте в дымке летнего зноя показались горы.

Из Чересска ехали на машине. Быстро миновали предгорья, и дорогу обступили отвесные скалы. Появился холодом. Ослепитель-

но сиял снег на вершинах. Набирая высоту, машина шла по берегу стремительной реки, исчезающей в зелени.

Но вот на высокогорной долине, скатой горам, оказались палатки. Это лагерь.

Геннадий Чертицев начал заниматься горнолыжным спортом совсем недавно. А в этом году он уже участвовал во всесоюзных соревнованиях в горах Ала-Тая, где показал хороший результат. Можно было добиться лучшего, но не было еще опыта, умения. И Геннадий решил тренироваться независимо от времени года. Теперь приехал он в горы, чтобы продолжить тренировки на снежных вершинах Кавказа.

Уже на второй день после приезда в лагерь спортсмены ходили на лыжах. Дорога к снежному плато шла через сырой, тенистый лес с громадными елями и буками, поднималась по открытым альпийским лугам, мимо холодных, шумных рек. И там, рядом со снегом, цветы — бледно-розовые и белые рододендроны.

Геннадий вставал рано — еще до того, как солнце размягчит снег. За ночь снег замерзал, и утром по твердой зернистой корке лыжи хорошо скользили. Днём солнце начинало припекать так, что Геннадий тренировался в тонкой летней рубашке. К полудню снег становился алажиным, и приходилось делать перерыв.

Вечером, когда солнце уже прятало лучи за горную гряду, лыжники снова выходили на снег.

В лагере собралось много лыжников. Были здесь и мастера спорта и новички. Вместе с Геннадием тренировались лыжбежцы Владимир Оляшев, Павел Колчин. Им тоже нужно уметь хорошо ходить по горам.

Геннадий любит, забравшись повыше, смотреть на их маленькие фигурки, быстро скользящие по снежному плато. Молодой спортсмен внимательно наблюдает за своими товарищами: у них многому можно научиться.

Походы в горы длятся три — четыре дня. Потом дня на два спортсмены спускаются в лагерь, попадая сначала в раннюю весну, а потом в настоящее жаркое лето. Здесь густая трава, лес. Спуск — тоже прекрасная тренировка: всё время вниз по извилистой тропе через камни, ручьи, по стволам упавших деревьев.

Загорелые, веселые возвращаются спортсмены в лагерь. Они довольны тем, что так хорошо проводят свой отпуск.

Мастер спорта Геннадий Чертицев.

На шахте «Юный Коммунар»

Когда в Москве был дан старт многодневной велогонке Москва — Харьков — Москва, из посёлка шахты «Юный Коммунар» комбината «Сталинуголь» тоже вышла группа велосипедистов. Они не были опытными гошцистами, большинство из них даже не видели спортивных разрядов, да и дистанция пробега равнялась всего 20 километрам. Но зато все участники пробега не уступали мастерам ни в спортивном азарте, ни в любви к велосипедному спорту. Преодолевав овраги, балки, физкультурники дошли до деревни Крестовки, а затем повернули обратно. И хотя на обратном пути участники кросса попали под проливной дождь, вернулись они радостными и оживлёнными.

Любит спорт на шахте «Юный Коммунар»! Здесь систематически проводятся занятия в различных секциях. Руководят секциями инструкторы-общественники. У всех у них одна благородная цель — учить других и учиться самим.

Один из лучших инструкторов-общественников на шахте — писатель лесного склада комсомолец Виктор Костомаров.

Однажды Костомаров просматривал книги в клубной библиотеке. С обложки одной из них на него глянуло мужественное лицо атлета. Это был легендарный русский богатырь Иван Поддубный. Яркая спортивная жизнь Поддубного увлекла юношу. Он стал мечтать о той минуте, когда сам выйдет на ковер.

Когда Костомаров прочёл в объявлении, вывешенном на дверях клуба, что начнётся работать секция классической борьбы, он первый явился на занятие. Руководитель секции Михаил Аленков скоро заметил, что Виктор занимается с особенным старанием и делает быстрые успехи. Он был не то что сильный, но как-то спорившее своих товарищей. Часто в товарищеских схватках он прижимал «противника» лопатками к коврику, пользуясь не столько силой, сколько умением.

«Никомовские» борцы заняли первое место в первенстве города Еланьково. Некоторым членам команды, в том числе и Костомаров, выступавший по группе юношей, заслужили право защищать спортивную честь города на областных соревнованиях. А вскоре Аленков впервые поручил Костомарову вести занятия секции. Сначала Виктор занялся с новичками в присутствии тренера. Это было сравнительно нетрудно, так как Аленков в нужных случаях помогал ему. Потом Костомаров по наблюдению тренера стал заниматься и со всей группой. Когда Аленков уехал, Виктору пришлось руководить занятиями секции и даже провести личное первенство физкультурного коллектива по борьбе.

Подобно Костомарову, ведут занятия в различных секциях лесогон Анатолий Лемешев, слесарь механического цеха Иван Приненко, проходчик Николай Головкин, плотник цеха вентиляции Дмитрий Суворов и многие другие рабочие.

Влагодаря усилению активистов физкультурной шахты «Юный Коммунар» заняли первое место в смотре-конкурсе центрального совета спортивного общества «Шахтёр». А ныне физкультурники шахты «Юный Коммунар» доверено любное право защищать честь горняцкого клуба на республиканской спартакиаде 25 крупнейших предприятий Украины.

В многодневной велогонке Москва — Харьков — Москва на одном из этапов победил молодой спортсмен, представитель общества «Шахтёр» Евгений Советов. Кто знает, может быть, в ближайшем году среди участников всесоюзных соревнований появятся и имена тех, кто занимается сейчас в спортивном зале клуба шахты «Юный Коммунар». И каждый из них вспомнит добрым словом своих первых учителей, инструкторов-общественников, скромных и преданных своему делу, которые сумели привить ученикам горящую любовь к физкультуре и спорту.

В. ГИПЕНРЕЙТЕР

З. ГУРЬЕВ

г. Сталино.

Великий комбинатор. Карикатура из газеты «Вашингтон пост». Комиссия палаты представителей США по вопросам ассигнований изображена в виде громады, вытягивающего из детской копилки последние деньги. На копилке подпись: «Школьные фонды».

В одном из номеров американского журнала «Ридерс скоупс» появилась аннонсирующая статья. Автор её писал: «Мы, американцы, должны испытывать стыд, горький, глубокий стыд. Мы катастрофически неграмотный народ. В нашей стране сегодня свыше 3 миллионов граждан избирательного возраста никогда в жизни, ни одного дня не посещали школу. То есть, около 10 миллионов взрослых американцев фактически неграмотны. Им недоступны газеты, журналы, книги».

Безусловно, о плачевном положении дела народного просвещения в США знает не только журнал «Ридерс скоупс». Но, несмотря на это, превращающие круги Союзов Штатов предпочитают тратить миллиарды долларов на гонку вооружений.

В прошлом бюджетном году в США за два дня расходовались на прямые военные цели значительно больше средств, чем на образование в течение целого года.

Но и мизерная сумма, ассигнуемая на народное образование, не удовлетворяла сенатом в текущем бюджетном году более чем на 186 миллионов долларов. Процент национального расхода, выделяемый на образование, в настоящее время значительно ниже, чем он был 20 лет назад.

Даже официальные лица вынуждены признавать, что гонимая вооружениями страна отрицательно складывается на американской школе. Всё чаще слышатся заявления о кризисе системы просвещения в стране.

В США ощущается острый недостаток в школьных помещениях. Школьные классы переполнены до предела. Бывший правительственный полномочный по вопросам просвещения Майкрат в своём годовом докладе вынужден был указать, что положение со школьными зданиями быстро приближается к «катастрофической катастрофе».

Недавно в связи с массовыми жалобами родителей мэра нью-йоркского района Манхэттен Роберта Вагнера произвёл обследование ряда школ. Вот что увидел Вагнер.

Здание школы на 14-й улице построено 95 лет назад. Сейчас оно находится в полуразрушенном состоянии. Вагнер назвал эту школу «лицом для города Нью-Йорка». Мы лично убедились, что на каждой парте, рассчитанной на двух учеников, одновременно занимаются по четыре человека. Зал для гимнастики в этой школе служит столовой, классом и помещением для свалки мусора.

Это далеко не единственный случай. Нейки Фред Майерс, посетивший ряд учебных заведений, так описал в журнале «Ридерс скоупс

своё впечатление от посещения одной школы:

«...В классе сидело сорок шесть детей шестого, седьмого и восьмого классов».

Когда я вошёл в класс, четырнадцать детей постарше (восьмой класс) стояли, выстроившись в шеренгу, у стола учителя. «Это урок истории США», — пояснил мне учитель. — Остальные занимаются арифметикой и письмом, пока у этих идут устные занятия». Четырнадцать учеников стояли, переминались с ноги на ногу, и бормотали ответы или монотонное «не знаю» в течение 30 минут. Затем их отправили по местам. К доске на урок арифметики отправился шестой класс.

Из-за недостатка школьных зданий дети подчас вынуждены учиться в помещениях, совершенно не приспособленных для занятий. Неподходяще от Сметилла последние два года под школу используются один из угловых складов. Недалеко от Форт-Райли (штат Канзас) в школу превращена конюшня. В одном из посёлков в штате Айдахо под школу используется здание, которое настолько разрушилось, что дети могут видеть небо через трещины в стенах. Местные власти сочли разумным закрывать школу в те дни, когда дуют сильные ветры. Управление по вопросам просвещения получило недавно сообщение о том, что в одном посёлке для занятий приспособили курятник.

Но и это не предел американской «предпринимчивости». Во время дебатов в конгрессе по поводу закрытия школы в те дни, когда дуют сильные ветры. Управление по вопросам просвещения получило недавно сообщение о том, что в одном посёлке для занятий приспособили курятник.

В некоторых условиях, как это официально было объявлено в сенате, занимается около двух миллионов американских школьников. А большое число детей в связи с недостатком учебных помещений совсем не посещает школы. Подсчитано, что 160 тысяч детей в возрасте от 7 до 13 лет и более миллиона детей в возрасте от 14 до 17 лет не посещают школу регулярно.

В стране наблюдается нехватка преподавателей. Журнал «Стартерд ревью» указывает, что в настоящее время для нормальной работы школы потребуется ещё 158 тысяч учителей, не считая тех, которых необходимо иметь, чтобы хоть немного уменьшить переполнение классов.

Такое положение с учителями объясняется прежде всего низкой заработной платой и тя-

Я научу вас! На карикатуре, помещённой в газете «Вашингтон пост», изображён многозначительный рывок комиссии конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности с американскими школьниками. Суноватая патка — главный довод комиссии.

жильем условиями труда. У американских учителей нет уверенности в завтрашнем дне, они не получают обеспечения в старости, не имеют права на отпуск в случае болезни. Часто авторитетом для женщин-учительниц связано с потерей места, если они ещё не потеряла его раньше в связи с замужеством.

Учителя в США получают мизерную заработную плату. В Детройте, например, учитель начинает с жалования, меньшего чем у сторожа зоопарка. Правда, по истечении 7 лет работы учитель может добиться увеличения заработной платы. Но и в этом случае он будет получать меньше, чем старший мусорщик. Заработная плата белых учителей-негров в 2,5 раза меньше заработной платы белого. Один из сенаторов в апреле этого года во время обсуждения в конгрессе США вопроса о положении учителей приводил такие данные: «Из всех преподавателей в Сан-Луисе только 8 процентов не прибегают к побочной работе и содержат сзон сами на заработную плату. Остальные, проработав весь день в школе, вынуждены подписывать другую работу ещё на 8 часов, чтобы прокормить свою семью».

Учителя в США находятся под постоянным страхом преследования. Бывший полицейский шик, а ныне председатель комиссии палаты представителей США по расследованию антиамериканской деятельности Велде называл просвещение... угрозой для США и заверил своих коллег, что целиком посвящает себя борьбе с этой угрозой.

Реакционный журнал «Таймс» в погоне за сенсацией дал исчерпывающую характеристику политическим нравам и порядкам, царящим в США в настоящее время: «Не говоря, не лжи, не лжи». Все преподаватели, придерживающиеся прогрессивного образа мыслей, немедленно лишают права на преподавательскую деятельность, выгоняют из учебных заведений.

Безудержное положение американской школы, действия марксов в системе просвещения вызывают нарастающий протест со стороны различных кругов общественности в США. Протестуют ассоциации преподавателей, рабочих, молодёжные, религиозные организации. Американские антикоммунисты активно выступают против инвазивской деятельности комиссий и подкомиссий конгресса.

Несмотря на преследования, всё больше американцев поднимают голос протеста против ликвидации демократических прав и свобод американского народа.

А. ПРОХОРОВ

Л. Н. ТОЛСТОЙ О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Нера искусства есть страстная любовь художника к своему предмету, а если это есть, то произведение всегда будет удовлетворять и другим требованиям — содержательности и красоте: содержательности будет удовлетворять потому, что невозможно страстно любить ничтожный предмет, а красоте потому, что, любя предмет, художник не пожелает никаких трудов для того, чтобы облачить любимое содержание в наилучшие формы.

Все сочинения, чтобы быть хорошими, должны, как говорил Гоголь в своей прощальной повести («Она вытекла из души моей»), вытечь из души сочинителя.

Мы все учимся у народа — Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин, Гоголь, и даже у Чехова это можно сказать, да и я.

Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться.

Поэзия народного всегда отражала и не только отражала, — предсказывала, готовила народные движения.

Выразить словами то, что понимаешь, так, чтобы другие поняли тебя, как ты сам, — дело самое

трудное, и всегда чувствуешь, что далеко, далеко не достигаешь того, что должно и можно.

Мыслитель и художник никогда не будет сидеть на олимпийских высотах... Он будет всегда, вечно в тревоге и волнении... Гладких, журчащих и самодовольных мыслителей и художников не бывает.

Чтобы быть истинным и серьезным, нужным людям искусством, должно иметь в виду не исключительное праздное или же мещанство, а всю трудящуюся массу народа.

Как только зрители-слушатели заражаются тем же чувством, которое испытывал сочинитель, это и есть искусство.

Вызвать в себе раз испытанное чувство и, вызвав его в себе, посредством движений, линий, красок, звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство, в этом состоит деятельность искусства. Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками, передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их.

СМЕНА
Вьюнере:

С. Михалков — В. Мурадели — Песня молодежи.
На благо народа. — Паровоз.
Александр Золотухин — На Ленинских горах. Стихи.
А. Одинов — Школа при заводе.
Павел Шебукин — Лера. Рассказ.
А. Аджубей, В. Стрельников — Наша цель — мир отстоять.

Л. Парфенов — Студенты в цеху.

Приветия в море.

Н. Успенский — Великий писатель земли русской.

А. Шаповалова — Ясная Поляна.

Н. Гусев — Толстой и Туркенева.

В. Юри — Памятные встречи.

Н. Родионов — Труд гения.

А. Коралёв — Наследие Толстого в СССР.

Н. Сергеева — Испытанный друг.

Юлиус Фучик — О маленьком Грешине и брамах сборщика налогов. Рассказ.

Минная поляна.

И. Золотаревский — С философией споймистам.

В. Гинзбург — Зимой и летом.

З. Турев — На шахте «Юный Коммунар».

А. Прохоров — Трагедия американской школы.

На первой странице обложки: Первотолковник. Фото Я. Халина.

На четвертой странице обложки: Плакаты. Фото В. Токаева.

Оформление номера В. Урина.

КРОССВОРД

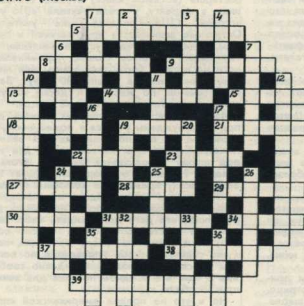
Составил В. Генке (Москва)

По горизонтали:

- Общественное или государственное учреждение.
- Управление факультета.
- Знак в математике.
- Твердая.
- Ударный музыкальный инструмент.
- Государство в Азии.
- Советская нанотехника.
- Сборник географических карт.
- Исторический корабль.
- Хищное животное.
- Строительный материал.
- Миллионная часть метра.
- Место для представления в цирке.
- Земноводное.
- Безударная смелость.
- Цирковой гимнаст.
- Предельная норма.
- Дом с примыкающими строениями, употребляемый для хранения.
- Способ.
- Приспособление для смягчения толчков у автомобиля.

По вертикали:

- Московий орден.
- Загадка.
- Единица электрической емкости.
- Крупная сова.
- Судно, предназначенное для плавания во льдах.
- Приспособление для смешивания красок.
- Массовое спортивное соревнование.
- Французский писатель эпохи Возрождения.
- Рядовый солдат.
- Тригонометрическая функция.
- Чувство удовольствия, внутреннее удовлетворение.
- Курорт на Черном море.
- Исчисление предстоящих расходов и доходов.
- Город в Казахской ССР.
- Русский художник.
- Мед.
- Кованый чехол.
- Привычный язык.
- Английский астроном, открывший планету Нептун.
- Советский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРДЫ, ПОМЕЩЕННЫЕ

№ 13

- По горизонтали:
- Смета.
 - Австроиталия.
 - Ботаника.
 - Предание.
 - Политгон.
 - Велоспорт.
 - Андалусия.
 - Орден.
 - Гепей.
 - Самец.
 - Лестница.
 - Буддизм.
 - Пот.
 - Айва.
 - Дальность.
 - Рейсбас.
 - Норма.
 - Индия.
 - Гутта.
 - История.
 - Ледокол.
 - Долгота.
 - Дюкериан.
 - Синдипар.
 - Возрождение.
 - Мальер.

По вертикали:

- Маскарад.
- Трамплин.
- Кавказ.
- Орфей.
- Ситцев.
- Гамала.
- Водитель.
- Гипотеза.
- Образование.
- Университет.
- Абай.
- Планета.
- Габарит.
- Младца.
- Сатия.
- Сойна.
- Потро.
- Кринос.
- Бро.
- Интервал.
- Полтава.
- Тара.
- Ралодия.
- Корифей.
- Линза.
- Вин.

№ 14

По горизонтали:

- Гейзер.
- Мироп.
- Печенье.
- Вирюта.
- Колос.
- Варабан.
- Ломоносов.
- Великий.
- Внзир.
- Шрек.
- Аудия.
- Сойна.
- Зергетин.
- Астероид.
- Степанин.
- Семук.
- Алупна.
- Сирепер.
- Кортин.
- Стасов.

По вертикали:

- Берба.
- Черепалов.
- Килльматер.
- Восток.
- Пегас.
- Пингвин.
- Усилье.
- Контора.
- Гобелен.
- Кислота.
- Эскадра.
- Вингон.
- Вирна.
- Дистр.
- Синтиско.
- Амфитеатр.
- Гальм.
- Балет.
- Футбол.
- Славом.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Редакция: В. Анзев, Г. Гима, Е. Домовиков, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Комкова, М. Лукин.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.

Тел. Д-3-34-24.

А 05038.

Подписано и печатано 29/VIII 1953 г.

Заня № 2044.

Тираж 120 000 экз.

Над № 630.

Формат бумаги 70х100%.

1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Харьковский автодорожный институт.

Фото Я. Воеина.

